

Ася
Вернадская

ИЗМЕНА

современный
любовный роман

На бис!

Ася Вернадская

Измена. На бис!

<https://litres.ru/74213443>

Аннотация

НОВИНКА "Бывшие. Осколки разбитого сердца"

— Алло.

— Слушай ты, балерина недоделанная! Полакомилась крутым мужиком и хватит. Скоро муж проводит тебя на заслуженный отдых. Так что советую первой уйти.

— Кто это говорит?

— Твой муж-со мной. Уже полгода. Прикинь? Полгода он любит меня на твоей же кровати, когда тебя нет. Любит, когда я ору. А ты, наверное, тихая, да? Как мышка. Ну так и сиди в своей норке. И не высовывайся. А то мало не покажется.

— Кто... кто вы? — прошептала я.

— Та, кто будет его будущей женой!

Вот так один телефонный звонок разделил мой идеальный мир на «до» и «после». Доказательства измены мужа множились с каждым днём. Мужчина, который клялся в вечной любви, оказался настоящим козлом. И его любовниц было куда больше, чем я ожидала. Но я никак не думала, что Она будет в их числе...

ХЭ, проды будут выходить ежедневно

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	20
Глава 5. Начало.	26
Визуализация	31
Глава 6. Продолжение	32
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	48
Глава 10	55
Глава 11	60
Глава 12	65
Глава 13	70
Визуализация 2	76
Глава 14	77
Глава 15	82
Глава 16	87
Глава 17	93
Глава 18	99
Глава 19	105
Глава 20	109
Глава 21	116

Глава 22	121
Глава 23	126
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Глава 1

Телефон зазвонил ровно в тот момент, когда ключ вошёл в замок почтового ящика. Резкий рингтон: отрывок из «Танца маленьких лебедей» в ускоренном варианте на синтезаторе, который я ненавидела. Но Арсений установил его «чтобы слышно было».

Я дёрнулась так, что ключ выскользнул из пальцев и с противным лязгом упал в глубь железной пасти ящика. Что за невезение.

— Чёрт, — вырвалось у меня.

Сумка с репетиционным тряпьем сползла с плеча и грохнулась на бетонный пол, рассыпав содержимое. Телефон орал, разрывая тишину подъезда. Я, присев на корточки, судорожно стала шарить в этой куче тряпок. Пальцы натыкались на холодный металл пуантов, на мокрую от пота ткань спортивного купальника, на тюбик обезболивающей мази. Мобильник не попадался. Он орал где-то внутри, приглушённо, настойчиво.

— Да где же ты, сволочь...

Наконец под смятой футболкой нащупала гладкий холодный корпус. Выдернула. Экран светился. «Неизвестный номер». Сердце ёкнуло почему-то. Не просто так. Было в этом звонке что-то... настойчивое. Злое.

— Алло? — сказала я, прижимая трубку к уху.

В ответ были только быстрые гудки. Чёрт бы побрал этот телефон. Почему-то я была уверена, что этот телефонный звонок не предвещал ничего хорошего. Номер не определился. Может, ошибка?

Заглянула в почтовый ящик. Ключ лежал там, сверкая на фоне ржавчины. Я сунула руку внутрь, царапая костяшками о холодное железо, вытащила ключ. Потом собрала с пола рассыпанные вещи, запихнула обратно в сумку. Взяла почту. Рекламная газета, пара конвертов на имя мужа — Соколова Арсения Валерьевича. Всё.

Я нажала кнопку вызова. Лифт, с скрежетом спускаясь, гудел.

Я возвращалась с репетиции. Весь день тело ломило от новой связки, хореограф гнал, как лошадь. И ещё это... чувство. С утра, как проснулась. Тревога. Ждала подвоха. Думала, на репетиции ногу подверну или пуанты новые мозоли сотрут в кровь. Но нет.

Лифт приехал. Дверь с лязгом открылась. Я вошла внутрь и посмотрела в зеркало лифта. Пальто подчёркивало тонкую талию и длинную линию ног, обутых в элегантные сапоги из мягкой кожи. Мои пепельные волосы были завязаны в тугой пучок.

Лифт довёз меня до нашего этажа. Третьего. Ключ от квартиры нашла не сразу. Что же у меня за проблема с ними сегодня? Наконец вставила. Повернула.

Дверь открылась. И на меня пахнуло теплом, тишиной

и... домом. Нашим домом. Тем, что мы купили два года назад.

Я зашла, закрыла дверь спиной. Прислонилась к ней.

Квартира. Наша крепость. Я обожала её с первого просмотра. Эти высокие потолки с лепниной, которые мы не стали трогать. Широкий дубовый паркет, поскрипывающий в одном месте у окна. Большая кухня-гостиная, где стоит наша бесшумная немецкая плита и посудомоечная машина Miele. С ней, бывало, я разговаривала. Серьёзно. Когда она заканчивала цикл и издавала этот тихий, мелодичный сигнал, я могла сказать: «Молодец, ласточка, всё чисто». И Арсений, если слышал, смеялся. Говорил, что я сошла с ума.

Я сбросила сумку на паркет. Начала стягивать сапоги. Правый поддался после пары рывков. Я стояла на одной ноге, упираясь в стену, тянула левый. Сапог был тугим, мокрым от снега. И тут...

В кармане пальто снова заорал телефон.

Я вздрогнула так, что чуть не упала. Вырвала сапог с ноги, швырнула его в угол. Сунула руку в карман, выдрала оттуда мобильник. Экран опять сообщал: «Неизвестный номер». Тот же? Другой? Не разобрать.

Палец завис над кнопкой приёма. Принять? Игнорировать? Сбросить?

Приняла.

— Алло.

Тишина в трубке. Только ровный гул. Потом женский го-

лос:

— Слушай ты, балерина недоделанная! Полакомилась крутым мужиком и хватит. Скоро муж проводит тебя на заслуженный отдых. Так что советую первой уйти. Чтобы не было мучительно больно.

— Кто это говорит?

— Не сбросила, молодец. Значит, не всё потеряно. Слушай сюда, балеринка. Твой муж, красавец, успешный, с членом в двадцать сантиметров... Он мой. Уже полгода. Поняла? Полгода он трахает меня на твоей же кровати, когда тебя нет. Любит, когда я ору. А ты, наверное, тихая, да? Как мышка. Ну так и сиди в своей норке. И не высовывайся. А то мало не покажется.

— Кто... кто вы? — прошептала я. В горле пересохло.

— Та, кто будет его будущей женой! Запомни это. И запомни: если позвонишь ему, нажалуешься, устроишь истерику... я найду тебя. И мы поговорим по-взрослому. Я знаю, где ты репетируешь. Знаю, где твой папа живёт. Всё знаю. Так что закрой рот и смирись. Ты ему надоела. Ты — его прошлое. А я — настоящее. И будущее.

Глава 2

Щёлк. И снова гудки.

Телефон выпал у меня из рук. Упал на паркет, экраном вниз. Треснул. Я этого даже не услышала. Я стояла посреди прихожей. В одной руке держала снятый сапог. В ушах звенели её слова. Они врезались в мозг, как ржавые гвозди: «Трахает меня... Полгода... На твоей кровати...»

Потом ноги подкосились. Я рухнула на пуфик у двери. Мягкая обивка впитала удар, но тело пронзила боль — острая, живая, где-то в районе солнечного сплетения. Я сжалась в комок. Вдох. Выдох. Воздух не шёл. Горло сжало.

«Не может быть, не может быть, не может быть...» — застучало в висках. Это же какой-то розыгрыш. Чья-то больная, уродливая шутка. Арсений? Мой Арсений? Который целует меня в макушку, когда я сплю? Который помнит, что я не люблю кинзу? Который недавно на коленях ползал по этой самой прихожей, собирая рассыпанные блёстки с моего бального платья, и говорил, что я — его единственная дурочка?

Нет. Не верю.

Я подняла голову. Взгляд упал на его домашние тапочки, аккуратно стоящие на полочке. Рядом — мои. На ключнице висят его ключи от галереи в брелоке, который я подарила. Всё на своих местах. Всё как всегда.

Но... полгода. Она сказала — полгода.

Полгода назад я уезжала на длительные гастроли в Японию. На два месяца. Он сказал, что будет скучать смертельно. Звонил каждый день. Присылал цветы в отель.

А если... не скучал?

Я встала. Ноги держали, но были ватными. Прошла на кухню. Включила свет. Яркий, холодный свет люстры отразился в чёрной стеклянной панели духовки. Всё было чисто, стерильно. На столе лежала записка. Его почерк, размашистый, уверенный: «Солнышко, задержусь. Открытие новой выставки. Не жди к ужину. Люблю. Твой».

«Люблю. Твой». И сердечко.

Я взяла записку. Бумага была гладкой, пахла его ручкой. Какая-то дорогая, с чернилами, пахнущими дубовой корой. Сжала. Скомкала в тугой шарик. Потом разжала пальцы. Разгладила на столе. Снова прочла.

«Люблю».

Из глотки вырвался звук — не то смешок, не то стон. Я схватилась за край стола. Пальцы впились в холодный массив дуба.

Что делать? Звонить ему? Орать: «Кто эта тварь, которая мне звонит?!»

Но она сказала... «Если позвонишь ему, нажалуешься... я найду тебя».

Она знает, где я репетирую. Знает про папу.

Я отпустила стол, пошла в спальню. Наша спальня. Боль-

шая кровать с серым бельём из итальянского льна. Он выбирал. Два прикроватных столика. На его лежала стопка книг по искусству, очки в тонкой оправе, зарядка для Apple Watch. На моём были тубик обезболивающей мази для ног, валик для массажа, книга по анатомии.

Я подошла к кровати. Присела на край. Провела ладонью по простыне. Прохладная, гладкая.

«На твоей же кровати, когда тебя нет».

Я резко дёрнула руку, будто обожглась. Встала. Подошла к его шкафу. Открыла. Пахло им. Его древесным дезодорантом, чистотой, дорогой шерстью костюмов. Всё висело ровно, по цветам. Я провела по рукавам. Потом залезла рукой в карманы пиджаков. Пусто. В карманах брюк — мелочь, иногда чек из ресторана.

Ничего.

А что я искала? Презервативы? Следы помады чужой женщины? Глупо.

Я закрыла шкаф. Повернулась. И взгляд упал на нашу кровать. На его подушку.

Я подошла, наклонилась. Вдохнула. Пахло им. Только им. Никаких чужих духов. Ничего.

Может, правда чей-то розыгрыш? Завистливая коллега? Кто-то из его мира, кто хочет нас поссорить?

Телефон. Где телефон?

Я побежала в прихожую, схватила его с пола. Экран был в паутине трещин, но работал. Я открыла список последних

вызовов. Два подряд: «Неизвестный номер», «Неизвестный номер». Без цифр. Скрытый.

Значит, не перезвонить. Не вычислить.

Я зашла в его мессенджеры. В Telegram. У нас общий пароль от всего — день фотовыставки, на которой мы познакомились. Я вбила цифры. Чаты загрузились.

Первым шёл чат со мной. «Любимая». Потом — рабочие чаты: «Галерея Фокус», «Поставщики», «Фотографы». Всё чисто. Всё прилично.

Я листала, листала... И тут увидела чат без названия. Просто «+7...». И последнее сообщение, отправленное три часа назад. От него. Всего одно слово:

«Жду».

Я ткнула в чат. Он открылся. История сообщений... пуста. Удалена. Кроме этого последнего: «Жду». И перед ним — статус «сообщение прочитано».

Приветствую, дорогие читатели!

Встречайте новинку. Буду рада увидеть ваши звёздочки и прочитать отзывы.

Глава 3

Телефон, лежащий на тумбочке в коридоре, заорал снова. Я вздрогнула, ударившись плечом о косяк. Чёрт, да отстаньте уже.

Экран светился надписью «Папа».

— Папочка, привет, — во рту всё пересохло, говорить было тяжело.

— Ада, какой-то голос у тебя странный. У тебя всё хорошо? — отец тут же насторожился.

— Нормально. Просто погода — полный отстой. Ветер, слякоть, настоящая питерская зима, кайф.

— Ты реагируешь на погоду? Не знал. Так, Ада, хватит. Что случилось? С Сеней поссорилась?

— Нет, что ты. Он на работе. Хотелось бы в это верить...

— У тебя что, ревность проснулась?

— Не ревность, пап, а здравый смысл.

— Слушай, давай пообедаем где-нибудь?

— Спасибо, пап, но, честное слово, не хочу, — прошептала я.

— Так, Ариадна, без отговорок. Через полчаса я за тобой заеду. Будь добра, приведи себя в порядок. Всё. До скорой встречи.

Он бросил трубку. Характерно. Глеб Сергеич никогда не прощался по телефону.

Я осталась стоять посреди прихожей. Я подошла к зеркалу. Да, видок. Бледная, как полотно, глаза огромные, тени под ними синие, будто меня отмудохали. Волосы повисли, как пакля.

«Приведи себя в порядок».

Я прошла в ванную. Включила ледяную воду, плеснула в лицо. Вода стекала за воротник шёлковой блузки, мурашки побежали по спине. Я посмотрела в глаза своему отражению.

— А ну-ка собралась, — прошипела я сама себе.

Нанесла тональный крем быстрыми, резкими движениями. Подвела глаза чёрным карандашом. Губы накрасила тёмно-бордовой помадой. Идеально. Маска готова.

Через двадцать пять минут телефон снова завибрировал.

— Спускайся. Я у подъезда.

Я накинула пальто, вышла. Папин тёмный, солидный Mercedes GLE стоял у тротуара, мотор тихо урчал. Я открыла дверь, впустила внутрь волну холода.

— Привет, — сказала я, наклоняясь, чтобы поцеловать его в щёку.

Папина щека была колючей от короткой седой щетины, пахла старым одеколоном «Шипр» и родным запахом папы. Он резко отклонился, схватил меня за подбородок, пристально взгляделся.

— В чём дело? Что с тобой? Заболела? — он ужасно испугался; его карие глаза, обычно спокойные, побежали по моему лицу, выискивая признаки болезни.

— Всё в порядке, пап. Здоровье в норме... Ну, по крайней мере, физическое.

Он выдохнул, отпустил меня.

— Слава богу. Так, где мы с тобой будем ужинать?

— Без разницы.

— Знаешь, мне тут одно местечко рекомендовали. Говорят, настоящая старорусская кухня.

Он посмотрел на меня, и его лицо снова исказилось тревогой.

— Ада, ты что, ревёшь?

Я не чувствовала, что плачу. Но когда я провела пальцем по щеке, он оказался мокрым. Чёрт. Маска течёт.

Он резко, почти насильно, прижал мою голову к своему грубому вязаному свитеру.

— Рассказывай, что натворил Сеня?

Я уткнулась носом в шерсть, позволив себе на секунду быть маленькой девочкой. Потом отстранилась, вытерла лицо тыльной стороной ладони, смазав всю чёрную тушь.

И выложила. Про звонок. Про голос. Про «секс на нашей постели». Про сообщение «жду» в Telegram.

Он слушал, не перебивая, глядя прямо перед собой на мокрую улицу. Его крупные, узловатые от артрита пальцы сжимали руль.

— Ну и что? — довольно жёстко спросил он, когда я закончила.

Я не поняла.

— Как «что»?

— Да вот так. Изменил и изменил. Найди мне мужчину, который ни разу не оступился.

Я остолбенела. Смотрела на его профиль: крупный нос, тяжёлый подбородок, густые седые брови.

— Он стал хуже к тебе относиться? — продолжил он, нажимая на газ. Машина плавно тронулась.

— Нет...

— Секс присутствует?

— Да...

— Вот и всё. Взбляднул человек, с кем не бывает. А эта особа... губу раскатала. Стандартный сценарий: сообщить жене, чтобы та в гневе выгнала мужа. А он, значит, прибежит к ней за утешением. А если жена не выгонит, то точно начнёт его изводить, что мужик сам слиняет. Банально. Сама что ли не знаешь?

— Пап, — я задохнулась, — но если бы ты слышал, что она мне говорила.

— Я уверен, что тем более Сеня не стал бы связываться с такой низкопробной женщиной. Скорее всего, звонила её подруга. А тон... Тон был выбран нарочно, так сказать, для психологического подавления противника. И, похоже, добились своего.

Он говорил спокойно, рассудительно, как будто разбирал поломку станка.

— Пап, я увидела у него в телеге сообщение «жду» на

незнакомый номер, — выдавила я. — Может, мне стоит поговорить с ним?

Он резко повернулся ко мне, и в его глазах вспыхнуло что-то острое, почти злое.

— Ни в коем случае! Запомни, дочка, ни слова Сене. Сделаю вид, что ничего не произошло.

Я замерла. Смотрела на него.

— Я постараюсь притвориться... если получится.

— Получится. Просто выкинь это из головы. Не зацкивайся. Не трави себе душу. Уверяю, это пустое. Сеня тебя любит. Вспомни, как он за тобой бегал полгода? Я тогда поражался его настойчивости. Не придавай этому значения. Забудь.

— Постараюсь, — повторила я как заведённая.

— Кстати, — он перестроился, обгоняя грузовик, — ты помнишь, что у меня через месяц день рождения?

— Ну ещё бы.

— Но я надеюсь, ты не уедешь на гастроли.

— Постараюсь, — куда-то делись все другие слова из моего лексикона.

Он припарковался у неприметного бревенчатого здания с вывеской «Погребок». Выключил двигатель. Повернулся ко мне. Его большое, грубое лицо вдруг смягчилось.

— Ты у меня сильная. Поняла?

Я кивнула. Он потянулся, обнял меня за плечи, грубо, по-медвежьи, и поцеловал в макушку.

— Идём. Будем есть настоящие русские пельмени.

Мы сели за стол и сделали заказ. Еду нам принесли довольно быстро. Я клевала вилкой холодец, папа методично, одной рукой, накалывал пельмени и макал их в сметану. Он налил мне стопку водки. Я выпила залпом. Огонь прошёлся по горлу, ударил в голову, и на секунду стало легче. Тупая боль сменилась горячей волной.

— Ну что, ожила? — прищурился он.

— Почти.

— Молодец.

Он отвёз меня обратно. У подъезда задержал за руку.

— Держись, Ариадна. И... будь умнее.

Я вышла из машины. Стояла и смотрела, как задние фары его Mercedes растворяются в серой дождевой пелене.

«Будь умнее».

Я поднялась в квартиру. Тишина. Арсений ещё не вернулся. Я скинула пальто, прошла в спальню, повалилась на кровать лицом в подушки. Они пахли им. Всегда пахли им.

«Притворись».

Я встала, сняла платье и накинула тёмно-синий шёлковый халат. Села на краю кровати, взяла свой телефон. Чистый экран. Ни звонков, ни сообщений.

И тут я услышала ключ в замке.

Сердце ёкнуло и упало. Я не двигалась. Слушала. Дверь открылась. Он снял обувь. Повесил пальто. Шаги по паркету. Он зашёл на кухню, открыл холодильник. Звук открочи-

ваемой бутылки.

Потом шаги в мою сторону.

Глава 4

Арсений остановился в дверях спальни. Я не обернулась. Видела его отражение в тёмном окне. На нём были дорогие тёмно-серые брюки, пиджака на нём не было. Наверное, брошен в гостиной на спинку дивана. Белая рубашка расстёгнута на две пуговицы, обнажая начало стрелки из тёмных волос на груди. В руке Арс держал бокал, в нём что-то янтарное. Коньяк. Его вечерний ритуал.

— Ты дома, Ариадна, — сказал он. Его голос, низкий и бархатный, с лёгкой хрипотцой, как всегда, обволакивал.

— Да, — ответила я его отражению в окне.

— Прости, что задержался. Открытие новой выставки. Ты поела?

— Да. С папой.

— А, хорошо.

Он сделал небольшой глоток и вошёл в спальню. Его шаги по ковру были беззвучными. Подошёл сзади, вплотную. Я почувствовала волну тепла от его тела, ударившую мне в спину даже через шёлк халата. В нос ударил запах любимого древесного одеколона с нотками бергамота, который я выбирала, тонкие ноты коньяка... и ещё что-то. Едва уловимое. Сладковатый, немного удушливый шлейф. Не мои духи. Не те, что я ношу. Дешёвая ваниль и жасмин. Чужой запах. Или показалось... Может, я схожу с ума?

Его руки легли мне на плечи. Пальцы, длинные, с аккуратным мужским маникюром, чуть сжали мышцы. Лёгкий, приятный массаж.

— Соскучился, — прошептал он губами прямо в волосы у моего виска. Его губы были прохладными от бокала.

Всё внутри меня, каждая жилка, каждый нерв, сжались в один тугой, невыплаканный комок. Я закрыла глаза, и перед ними поплыли картинки, которые теперь, наверное, будут приходить всегда. Воображение начало рисовать моего мужа в объятьях разных женщин. Неужели... неужели он мог со мной так поступить?

«Притворись. Ты должна притвориться».

Я заставила мышцы шеи расслабиться. И через несколько секунд повернулась к нему лицом. Арсений был безумно харизматичный. Широкий лоб, на который падала прядь тёмных волос с благородной, серебристой сединой у висков. Волосы слегка растрёпаны. А глаза... Серые. Холодного, стального оттенка. Сейчас они смотрели на меня с привычной нежностью, в которой я раньше тонула, а сейчас я пыталась разглядеть в них фальшь.

— Я тоже.

Он улыбнулся в ответ. В уголках глаз обозначились мелкие морщинки. Следы тридцати восьми лет жизни, большей части успешной. Это была улыбка из прошлого. Из того времени, когда он мог часами сидеть в зрительном зале, смотря, как я репетирую одну и ту же связку. Из времени, когда сло-

во «солнышко» звучало как самое тёплое слово на свете. Теперь эта улыбка жгла, как прикосновение раскалённого металла к открытой ране.

— Пойдём в душ? — предложил он, и взгляд его скользнул вниз, к поясу моего халата. В его глазах вспыхнул знакомый, тёмный огонёк желания.

Одной рукой он резко развязал и откинул пояс. Халат распахнулся, открывая тело: мои длинные ноги, тонкую талию, бледную кожу, покрытую мурашками. Он провёл взглядом по мне. Медленно, оценивая, с видом коллекционера, рассматривающего главный экспонат своей коллекции. Этот взгляд раньше заставлял меня гореть от стыда тех желаний, которые просыпались во мне.

— Ты невероятно красива, — сказал он тихо.

Он взял меня за руку. Его пальцы сплелись с моими. Тёплые, сухие, с лёгкими шершавыми участками на подушечках. Знакомые до каждой клеточки. Эта рука держала меня на краю обрыва в кавказском ущелье. Там, где тропа сужалась до ширины ладони, а под ногами зияла пропасть с бурлящей рекой. Эта рука поправляла одеяло, когда я болела. Эта же рука, возможно, всего час назад касалась другой женщины. Стоп! Не думать об этом!

Он повёл меня в ванную, как повёл бы на танец. Сам снял с меня халат, позволив ткани соскользнуть на пол. Помог ступить в кабину, придерживая за локоть. Арсений снял с себя одежду. Он был широк в плечах, узок в талии. Мыш-

цы спины и рук играли под кожей. Вошёл следом за мной — пространство в кабине сразу стало меньше. Вода, почти обжигающе горячая, обрушилась на нас с грохотом, скрывая звук моего предательского вздоха.

Он прижал меня спиной к холодной кафельной стене резким движением, без нежностей. Его тело, мокрое, горячее, сильное, прилипло ко мне. Его губы нашли мои. Поцелуй был глубоким, влажным, требовательным, с привкусом коньяка и лжи. Его руки скользили по моей спине, цеплялись за ягодицы, впивались пальцами в бёдра, оставляя болезненные отпечатки.

— Я так соскучился по тебе, — бормотал он, перемещая губы к моей шее, и его голос дрожал от, казалось бы, совершенно искреннего, животного желания. — По этому телу... Боже, по этой коже... Ты сделана из шёлка и греха.

Он поднял меня, и моё тело, выдрессированное годами балета, автоматически обвилось ногами вокруг его талии. Он вошёл в меня резко, глубоко, с тихим, сдавленным стоном облегчения. Его лицо уткнулось мне в шею. Он двигался, и каждый толчок, каждый удар тазом отзывался во мне не эхом удовольствия, а эхом той мерзкой фразы из телефонной трубки: «Трахают меня на твоей кровати». Его руки держали меня за бёдра так крепко, что наутро останутся синяки.

Я зажмурилась, уткнулась лицом в его мокрое, скользкое плечо. Вдыхала его запах, яростно пытаюсь уловить, найти, вынюхать следы другой. Ничего. Только он. Только вода, ко-

ньяк, его пот и пар. Совершенная чистота совершенной подлости.

— Ты так тугая... — прошептал он прямо в ухо, и его голос сорвался на хрип. — Как в первый раз... Чёрт, всегда как в самый первый раз...

Он кончил быстро, сдавленно застонав, и на несколько секунд всё его мощное тело обмякло, придавив меня к холодной стене всем своим весом. Потом он осторожно, нежно опустил меня на ноги, провёл ладонью по моему лицу, откидывая мокрые пряди.

— Всё в порядке? — спросил он, заглядывая в глаза. Его собственные глаза были тёмными, с расширенными зрачками. — Ты какая-то... тихая. Слишком тихая.

Я открыла глаза. Смотрела на его лицо. Красивое, влажное, с каплями воды на густых, тёмных ресницах. На губы, которые только что лгали мне с таким искусством. На глаза, в которых я сейчас с отчаянием искала хоть каплю стыда, раскаяния. Ничего. Только сонное удовлетворение хищника, сытно поужинавшего.

«Притворись. Играй. Выжди время».

— Просто устала, — сказала я, поднимаясь на цыпочки, чтобы коснуться губами уголка его рта. — Длинный день. Давай ляжем.

Мы вытерли друг друга полотенцами. Прошли в спальню и легли в постель. Он притянул меня к себе, обняв сзади, прижав спиной к своей груди. Его любимая поза. «Чтобы

чувствовать, как ты дышишь», — говорил он. Его дыхание быстро выровнялось, стало глубоким, мерным. Он засыпал с лёгкостью невинного человека.

Я лежала с открытыми глазами, вглядываясь в узор теней на потолке. Его рука лежала у меня на животе — тяжёлая, тёплая, владеющая. Как гиря.

И в этой тишине, под этот ритм его сна, память предательски отмотала плёнку назад. Не к сегодняшнему дню, не к звонку. Она рванула в самое начало, в ту точку, откуда всё пошло.

Глава 5. Начало.

Четыре года назад.

— Ада, ты просто обязана прийти! Ты же главный экспонат!

Голос Лёхи в трубке визжал от восторга. Лёха — Лёха Прохоров, мой одноклассник, который прямо во время уроков щёлкал на мыльницу всех подряд. Теперь он — Алексей Прохоров, фотограф, чьи работы брал Vogue. И он уговорил галерею «Фокус» дать зал под его персональную выставку «Преодоление гравитации». И я, двадцатичетырёхлетняя солистка кордебалета Михайловского театра, была её музой.

— Я не экспонат, я живой человек, — огрызнулась я, проверяя эластичность новой пачки. В воздухе квартиры на Петроградской, которую папа купил мне, пахло воском для паркета и свежим кофе. Здесь я жила вместе со своей лучшей подругой-скрипачкой Катей. — У меня завтра главная репетиция «Сильфида», в девять утра уже разминка.

— Выставка в семь вечера! Успеешь! Там будет весь бомонд! Твоё фото — в центре зала! Без тебя — никак!

В итоге я пришла. Не из-за «бомонда». Лёха был моим близким другом. Нить из прошлого, из детства.

Галерея называлась «Фокус». Стекло, бетон, приглушённый свет. Внутри пахло новизной и большими деньгами. Я протиснулась через толпу, все люди были одеты в чёрное.

«Это же выставка, а не похороны», — пронеслось у меня в голове. Искала глазами Лёху. И замерла.

В центре главного зала, на огромной, от пола до потолка, белой стене висела одна-единственная работа. Один кадр.

Это была фотография полёта. Меня, Ариадны, в момент прыжка *grand jeté*. Но это было не просто фиксация движения. Лёха поймал тот микромомент, когда тело уже оторвалось от земли, но ещё не подчинилось гравитации на спуске. Абсолютную невесомость.

Я была в белоснежной пачке, похожей на распутившийся цветок. Руки, вытянутые в изящных линиях, создавали ощущение крыльев. Спина была выгнута в идеальной, сильной дуге. Голова запрокинута, глаза закрыты, на лице выражение чистой, безмятежной радости, почти экстаза. Свет падал так, что я будто светилась изнутри. Фон был тёмным, размытым, так что казалось, что я лечу в бесконечности, в космосе.

Снимок назывался «Антигравитация. Ариадна». Лёха снял саму идею полёта, воплощённую в человеческом теле. Снял ту самую мечту, ради которой мы все терпим боль.

Я стояла, зажатая между галеристом в очках и светской дамой в жемчугах, и чувствовала, как по моей коже бегут мурашки. Было странно. Было потрясающе. Видеть себя не измученной труженицей, а воплощением красоты и свободы.

— Ну что? — рядом возник Лёха, пахнущий дорогим виски и счастьем. — Получилось?

— Это... не я.

— Это ты, дура! Та, какой ты бываешь только там, на сцене, когда забываешь про всё! Я это поймал!

И это «это» цепляло всех. Народ замирал перед фотографией. Подходили, молчали, смотрели снизу вверх, будто на икону. Я стояла рядом, в своём простом, но безупречном шёлковом платье цвета шампанского, и чувствовала себя двойником. Никто не узнавал в сияющем создании на стене артистку в скромном наряде рядом.

Пока не подошёл Он.

Я заметила его, потому что люди перед фотографией расступились сами собой. Он был высок, в костюме оттенка тёмного антрацита, который стоит как небольшая иномарка. рубашка белоснежная, расстёгнута на две пуговицы. Руки в карманах брюк. Ему было до сорока — тридцать четыре, как я узнала позже. Он подошёл к работе. Его взгляд, холодный, серый, как сталь, скользил по изображению. Стоял так долго, что даже болтливый Лёха притих.

Потом Он обернулся, нашёл глазами Лёшу и кивком подозвал. Лёха, обычно такой балагур, вдруг стал серьёзным и почти побежал к нему.

Я отошла к бару, взяла бокал с шампанским. Слышала обрывки.

— ...феноменальная работа, Алексей. Абсолютная чистота формы, — голос был низким, бархатным. Не громким, но его было слышно сквозь гул. — Кто модель?

— Подруга! Солистка Михайловского! Ариадна Ростовская, — запинаясь, выпалил Лёха.

— Представьте меня.

Лёша кивнул и повёл Его прямо ко мне. Я инстинктивно втянула живот, расправила плечи.

— Ада, знакомься, владелец галереи — Арсений Валерьевич Соколов. Арсений, моя муза — Ариадна.

Он протянул руку. Крупная ладонь, длинные пальцы, сухая, тёплая кожа, матовый платиновый браслет на запястье. Моя ладонь исчезла в его.

— Арсений, — представился Он, опуская отчество. Его серые глаза намертво зацепились за меня. Он смотрел не моргая. Прямо в лицо. Изучающе, без улыбки, но с тем же отсветом изумления. — Вы... живая? — спросил он неожиданно.

Вопрос застал врасплох.

— Врачи говорят, что да, — парировала я, забирая руку. Его пальцы разжались не сразу.

— Простите. Я имел в виду, — он кивнул на фотографию, — эту... субстанцию. Это вы? Или это то, во что вы превращаетесь, когда танцуете?

— Надеюсь, что это я, — улыбнулась я. — Иначе зачем танцевать?

— Зачем? — Он слегка наклонил голову. — Чтобы напоминать нам, прикованным к земле, что гравитация — всего лишь привычка. Вы позволите обсудить эту мысль? За ужи-

ном, например.

Прозвучало это так, будто я уже согласилась. Меня охватило раздражение от такой наглости.

— Спасибо, но мой график — это сплошная гравитация, — сказала я, сохраняя лёгкую улыбку. — Репетиции, спектакли. Спасибо за приглашение.

В его глазах мелькнуло любопытство. Как у кота, которому мышка показала зубки.

— Жаль. Тогда позвольте просто восхищаться издали. Надеюсь, не в последний раз. — Он слегка склонил голову и растворился в толпе.

— Ты обалдела? — зашипел Лёха, хватая меня за локоть. — Это же Соколов! Его «Фокус» — это пропуск в мир, где твоим фото будут любоваться в Нью-Йорке и Лондоне! Он тебе предложил ужин! А ты...

— А я сказала нет, — отрезала я, вырывая руку. — Он меня на много старше, Лёх. И ведёт себя, будто я уже его собственность. Фу.

На том и порешили. Я ушла с выставки рано, с головной болью от шума и странного ощущения.

На следующее утро, в репетиционном зале, я уже не думала о галеристе Соколове.

Но он начал думать обо мне. Нежно, но настойчиво.

Визуализация

Визуализация

Спасибо, что читаете мою книгу, дорогие друзья! Сегодня я раскрою вам, как выглядят её герои в моём представлении.

Соколова (Ростовская)Ариадна Глебовна.

Двадцати восьми летняя солистка Михайловского театра.

У неё сильный характер. Она может и огрызнуться в ответ на неуместное замечание, и постоять за себя. При этом она остаётся искренней и настоящей.

Соколов Арсений Валерьевич

Импозантный мужчина тридцати восьми лет, владелец успешной галереи «Фокус» и нескольких фотостудий в Санкт-Петербурге.

Его внешность производит сильное впечатление на дам. А характер героя отдельная тема! Но об этом мы узнаем по ходу книги.

А это наши герои в начале своего пути.

Глава 6. Продолжение

День первый. В театр, на моё имя, доставили огромную коробку. Внутри лежали пуанты Gaynor Minden, профессиональные, моего размера, с твёрдым мысом. Мечта любой балерины. К коробке была приколата карточка. Тонкий пергамент, красивый каллиграфический почерк: «Чтобы боль рождала только красоту. А.»

— Господи, Ада, это красотища! — прошептала Маша, рассматривая пару.

— Наверное, перепутали, — буркнула я, но не смогла отвести взгляд. — Может, для Примаковой.

Анжела Примакова была нашей молодой примой.

День второй. Букет. Ветки цветущей сакуры в высокой хрустальной вазе. Невозможно нежные, почти невесомые. Карточка: «Цветы, которые умеют летать. Для вас. А.»

День третий. Пара шёлковых лент для пуантов цвета слоновой кости, с вытканными золотом микроскопическими звёздами. Не для сцены. Слишком пафосные, слишком дорогие. Для души. Карточка: «Чтобы и земля под ногами помнила о небе. А.»

День четвёртый. Приглашение в закрытый клуб на крыше с панорамным видом на город. На двоих. Карточка: «Чтобы взглянуть на гравитацию сверху. В любое удобное для вас время. А.»

Всё это, как по расписанию, приносили мне на репетиции. Анжела Примакова уже ходила с поджатыми губами. Ей ничего не дарили. Все шептались. Худрук смотрел с укором, мол, отвлекаешься. А я ничего не понимала. Создавалось ощущение, что Арсений увлечён не мной, а образом, рождённым воображением Лёши.

— Он спрашивает, понравились ли ленты, — сказал Лёха, когда мы встретились в ресторанчике за чашечкой кофе. — Говорит, если не понравился оттенок, пришлёт другие. Он, Адь, влюбился. По-настоящему. В тот образ с фотографии.

— Да отстань ты! Это не я, Лёх! Это ты меня такой сделал!

— Я лишь показал то, что есть! А он это УВИДЕЛ!

Но на седьмой день я не выдержала. После изнурительного рабочего дня, когда ноги горели огнём, а спина ныла так, что хотелось плакать, я открыла свой шкафчик. Там лежала маленькая коробочка из тёмного дерева. Внутри лежала пара серёг. Простые, идеальные капли дымчатого кварца. Они были моими. В смысле, такими, какие я бы выбрала сама. Карточка: «Чтобы слышать только музыку. Жду у выхода в семь. А.»

Я сжала коробочку в кулаке. Всё. С этим надо было что-то делать. Потому что он не отступал. Он методично брал мою крепость.

В семь я, конечно, не вышла. Я просидела в раздевалке до восьми, пока последние девочки не пошли домой. Потом, съездившись в своём пальто, которое я надела не по сезону,

выползла через чёрный ход. У служебного входа, под фонарём, стоял чёрный Mercedes. Он прислонился к капоту, курил. Дым вился в холодном воздухе сизыми кольцами. На нём было длинное тёмное пальто, шарф. Он увидел меня и не улыбнулся. Просто отбросил сигарету, потушив её ботинком.

— Боялась? — спросил он, когда я поравнялась с ним, пытаюсь пройти мимо, делая вид, что не замечаю.

— Отстаньте, — прошипела я, ускоряя шаг.

Он догнал меня двумя длинными шагами. Поравнялся.

— Я не отстану, Ариадна, — сказал Соколов спокойно.

— Я не мальчик, я играть не буду. Я увидел то, что искал. И я это получу.

— Я не вещь! — остановилась и посмотрела ему прямо в глаза.

— Я знаю. Вещь можно купить. Тебя — нет. Тебя можно только завоевать. Я готов завоёвывать. Сколько нужно.

— Мне не нужны ваши деньги! Ваши подарки!

— Это не подарки. Это... знаки внимания. Доказательства серьёзности намерений. Я не прошу ничего, кроме возможности быть рядом. Увидеть, — он кивнул в сторону театра, — как разовьётся твой полёт. И помочь этому. Только помочь.

— Вы не понимаете. У меня нет времени на это всё. У меня есть только балет.

— Балет — это не всё. Это твой дар. Но дар нужно беречь.

Кормить, согревать, защищать от всего плохого. Я могу быть этой защитой.

Он слегка отвёл руку в сторону, давая понять, что можно взять его под руку.

— Позвольте просто отвезти вас домой. Без разговоров, без условий. Вы устали. Наверное, ноги болят. В метро сейчас давка.

Я посмотрела на его машину. На свои ноги, которые действительно горели как в аду. И взяла его под руку.

Села на переднее сидение. Он включил что-то современное, тихое, с электронными нотами. Закрыла глаза, кажется, даже задремала.

Он довёз меня до подъезда, вышел, чтобы открыть дверь.

— Спасибо, — пробормотала я, вылезая.

— Спите хорошо, Ариадна, — сказал Арсений. И добавил, когда я уже отходила: — Завтра пришлю машину в восемь утра. Чтобы вы могли подольше поспать.

— Не надо!

— Надо, — мягко парировал он, — это часть заботы.

И уехал.

Машина приезжала за мной каждое утро. Сначала я отказывалась, шла пешком. Потом в один промозглый дождливый день села. Потом ещё. Сам Арсений не появлялся неделю. Только присылал с водителем маленькие записочки: «Сегодня будет дождь. Тёплые гетры в кармане сиденья» или «Слышал, ваш хореограф заболел. Не надрывайтесь на ре-

петиции».

Он был везде. Он всё знал. Это пугало и... странным образом нравилось.

Арсений встраивался в мою жизнь как тень. Незаметно, но всегда ощутимо. И я, привыкшая к жёсткому графику и чёткому распорядку, начала этой тени доверять. В ней была безопасность.

Наша первая добровольная встреча произошла через три недели. Он пригласил меня в галерею ночью.

— Я хочу показать вам кое-что, — сказал он.

Он провёл меня в тот самый зал. Фотография «Антигравитация» висела там одна, освещённая теперь только одной узкой софитной линией, так что я будто парила в полной темноте.

— Зачем? — спросила я.

— Чтобы вы понимали, что я вижу, — ответил он. — Я вижу не девушку. Я вижу целую историю. И я хочу быть её частью.

Арсений подошёл ближе. Не прикасаясь.

— Я не буду торопить. Не буду требовать. Просто хочу быть рядом. Когда вам нужно будет мужское плечо, чтобы опереться, я хочу быть этим плечом. Когда нужно будет лететь, я обеспечу ветер под крыльями. Я сделаю всё, что вы пожелаете. Всё, что прошу — разрешите мне быть рядом.

Я смотрела на свою летящую фигуру, на этого могущественного, странного мужчину, который говорил со мной не

как с женщиной, а как с вдохновением.

Это было началом. Началом пути, где мой «полёт» стал его самым ценным активом, а его «ветер» обернулся золотой клеткой.

Глава 7

Два дня я молчала. Как учил папа. Притворялась, что верю в нашу идеальную жизнь. Варила кофе по утрам, целовала мужа в щёку, когда он уходил, отвечала на его нежные СМС-ки смайликами и притворялась. Притворялась вполне неплохо. Давила внутри желание всё рассказать Арсению. Но на третий день всё случилось само собой.

Я готовила его любимое ризотто. Это было моё коронное блюдо — с белыми грибами и пармезаном. Меня научил его готовить шеф-повар в Риме, когда я ездила с труппой на гастроль. Я столько раз его готовила, что руки сами помнили движения. Накалила масло в глубокой сковороде, бросила туда мелко порубленный лук. Он зашипел, выпустив едкий сладковатый пар. Потом рис, сухой и прохладный, зёрнышко к зёрнышку, пока не пропитается маслом и не станет прозрачным. Тонкой струйкой наливала белое вино. Потом бульон. Постоянно помешивала, монотонно, почти медитативно. Вода впитывалась, рис набухал. Я вся окунулась в этот процесс, пытаюсь вытеснить остальные мысли. Солоноватый запах пармезана. Аромат петрушки, которую я выращивала на подоконнике. Всё как всегда. Как будто ничего не случилось.

Арс пришёл домой вовремя. Слышала, как щёлкнул замок, как он уронил на пол ключи, как он снял туфли и про-

шёл в кабинет снять пиджак.

— Пахнет божественно, — сказал он, войдя на кухню. По-
дошёл сзади, обнял за талию, прижал губы к моей шее, чуть
ниже уха. От него пахло прохладой улицы. — Соскучился.

Наклонила голову, давая ему доступ к шее, и продолжила
помешивать ризотто.

— Я тоже.

Положила еду в тарелки, посыпала сверху зеленью. Мы се-
ли. Свет подвесной лампы падал на стол, создавая круг уюта.

Арс рассказывал о каком-то сложном контракте, о тупом
менеджере, которого хотелось уволить. Я кивала, поддаки-
вала, вставляла «конечно» и «невероятно».

Всё было слишком мирно. Слишком идеально.

И тогда зазвонил мой телефон.

Он лежал на столешнице, в метре от меня. Вибрация бы-
ла резкой, она заставила вздрогнуть нож, лежавший рядом
с моей тарелкой. На экране высветилось: «Неизвестный но-
мер». Кровь отхлынула от лица. Я не спешила отвечать.

Увидела, как взгляд Арсения скользнул с меня на теле-
фон, потом обратно. Его брови чуть приподнялись в вопро-
се.

— Ада? — мягко спросил Арсений.

Я не помню, как рука потянулась к аппарату. Палец завис
над зелёной иконкой. Нажала «Ответить». Поднесла трубку
к уху. Не сказала «алло».

И услышала тот же женский голос, который звонил мне

три дня назад:

— Ну что, дура, поняла, что он тебе врёт? Вчера он был у меня до одиннадцати вечера. А тебе что сказал? На работе задержался? Если бы ты знала, что мы с ним творили. Тебе такое и не снилось.

Я молчала. Смотрела сквозь кухню на тёмное окно, в котором отражалась наша с Арсением идеальная картинка: жена с мужем за ужином.

— Молчишь? Умница. Так и продолжай. А ещё лучше, собирай свои монетки и проваливай уже к чертям. Дай дорогу!

Я медленно, как в замедленной съёмке, протянула телефон через стол Арсению. Приложила указательный палец к губам: «Молчи. Слушай».

Он взял трубку. И его лицо... изменилось.

Сначала он стал белым как мел. Потом густая краска залила щёки и шею.

— Заткнись, сука! — прошипел он в трубку. — И больше никогда. Не звони. Сюда.

Он яростно вырубил мой телефон. Несколько мгновений Арсений сидел, глядя в одну точку. Его грудная клетка тяжело вздымалась. Потом он перевёл на меня взгляд.

— Первый раз? — спросил он.

Я покачала головой.

— Нет.

— И ты молчала? Зачем, Адочка? Зачем веришь в эту...

в эту хуйню?

— Кто тебя знает, — вырвалось у меня. — Я понятия не имею, что происходит у тебя на работе... или не на работе. Арс, кто это? Почему она это говорит?

— Несколько недель назад я уволил одну... мерзоту с работы, — начал он говорить быстро, но очень складно, глядя мне прямо в глаза. Его взгляд был чистым и открытым. — Бездельница, — продолжал он говорить быстро, но очень складно, глядя мне прямо в глаза. Его взгляд был чистым и открытым. — Она путала документы, да и вообще работала спустя рукава. Когда я её выгнал, она поклялась отомстить. Орала, что я пожалею. Что она мне «устроит». Вот и устроила.

Он наклонился ко мне через стол и взял за руки.

— Почему молчала? Почему ты не пришла ко мне сразу? Я бы всё объяснил. Ты... ревновала? Да? Ревновала меня к этой... псине? Я люблю только тебя. Ты веришь? Скажи, что веришь.

Что-то во мне надломилось. Возможно, сказалась скопившаяся усталость за эти дни. Желание поверить. Чтобы этот кошмар закончился.

— Хорошо, — прошептала я. Глаза сами собой закрылись. — Хорошо, Арс. Верю.

— Ариадна, я так устал на работе. От дел, от вечных идиотов вокруг. И вот прихожу домой. К тебе. А тут... это. Не давай этой твари разрушить нас.

Он встал, обошёл стол и, взяв за руки, поднял со стула. Притянул меня к себе. Сердце его колотилось где-то рядом с моим ухом. Его руки обвили меня. Одна рука на затылке, пальцы впились в волосы. Другая была на пояснице, прижимая так, что я чувствовала металлическую пряжку на его брюках.

— Моя, — прошептал он в мои волосы. — Моя глупая, ревнивая девочка. Я всё улажу. Она больше не позвонит. Никогда.

Он целовал меня. В лоб, в веки, в уголки губ. Потом он нашёл мои губы. Поцелуи перестали быть нежными, в них всё больше проявлялась власть.

Арс поднял меня на руки. Я не сопротивлялась. Будто моё тело стало безвольным. Он понёс меня в гостиную и положил на широкий диван. Он снимал с меня рубашку, не отрывая взгляда. Его обнажённый торс в полумраке казался чем-то монолитным. Напряжённые мышцы, бледная кожа, шрам на ребре.

— Я докажу, — сказал он, наклоняясь надо мной, и его тело поглотило весь свет от лампы в коридоре. — Я буду доказывать тебе каждый день, каждую ночь, что только ты можешь меня возбуждать. Что ты принадлежишь только мне.

Он снял с меня всю одежду. Его руки резко раздвинули мои бёдра. Вошёл в меня резко, без подготовки. Больно. Я вскрикнула и вцепилась ногтями в его плечи.

— Только я, — хрипел он над ухом, двигаясь в яростном

ритме. — Только я имею право. Слышишь? Больше никто. Никогда.

Я лежала под ним, тело откликалось на его движения. Больше всего на свете мне хотелось ему верить.

Он кончил с глухим стоном, обрушившись на меня всем весом. Стало тяжело дышать. Потом откатился, его дыхание выравнивалось.

— Всё, — сказал он тихо. — Забудь. Как страшный сон.

Он ушёл в душ. Я лежала, глядя в потолок, прислушиваясь к шуму воды. Тело ныло, но на душе было спокойно. Я подняла руку, хотела смахнуть волосы со лба, и мои пальцы наткнулись на что-то маленькое и твёрдое, впившееся в подушку рядом с головой.

Я поднесла это к глазам в полутьме.

Серёжка. Одна из тех, что он дарил. Видимо, когда-то винт от застёжки открутился. А я даже не заметила, как её потеряла, вот дурёха. Я подняла её и, накинув халат, босиком прошла в спальню к своему туалетному столику. Маленькая фарфоровая шкатулка в форме раковины. Мне её подарила мама, когда я была совсем ещё маленькой девочкой. Я щёлкнула замочек. Внутри, на чёрном бархате, аккуратно лежали мои украшения. И прямо по центру, сверкая как два насмешливых глаза...

Лежали обе серёжки.

Глава 8

Дверь ванной отворилась, выпустив клубы пара. Арсений вышел из ванны, обмотанный полотенцем вокруг бёдер. По его мощной, гладкой груди и дальше по прессу скатывались капли воды. На его лице играла лёгкая, самодовольная улыбка. Он прошёл в спальню.

Я стояла у туалетного столика, зажимая в потной ладони страшную находку.

Он потянулся за своим халатом, не глядя на меня.

— Ариадна, замёрзла, что ли? Ты чего стоишь тут, как статуя?

— Арс... — Я разжала ладонь, вытянула её вперёд. В ней лежала моя страшная находка. — Посмотри.

Он обернулся. Его взгляд скользнул по моей руке, по шка-тулке, где лежала целая пара. Он фыркнул.

— И? Нашла клад? — Накинул халат, туго затянул пояс. — Редкость, конечно. Мировое открытие. Поздравляю.

— Их... три, — сказала я, чувствуя, как глупо звучат эти слова. — Одну из них я нашла в подушках дивана. Я думала, это у меня открутилось. Но моя пара... вот она.

— Ну и? — Он подошёл ближе. — Дорогая моя Ариадночка, мало ли откуда она там взялась. Мало ли какая твоя подружка-дура могла потерять. Это, конечно, не дешёвые сережки, но они продаются в магазинах. У твоих балерин у

многих достаточно обеспеченные протеже. Я не понимаю, чего ты от меня хочешь? Поругаться?

Его слова ударили, как пощёчина. Такая простая, циничная логика.

— Кто из моих подруг мог её потерять? — голос сорвался на визг. — Никто из них не переступал порог нашей квартиры давным-давно! Ты же сам знаешь!

Арсений в миг изменился. Ложная доброжелательность сползла с его лица. Под ней оказалось раздражение.

— О, Господи, — он закатил глаза к потолку, сделав глубокий, шумный вдох. — Ну вот, приехали. Нет, в нашу квартиру с запертой на все замки дверью проник таинственный незнакомец. И всё для того, чтобы подкинуть тебе серёжку! Блестяще. Гениальный план.

Он говорил громко, язвительно. Я видела такого Арсения впервые. Передо мной стоял циничный, жёсткий и смертельно уставший от меня мужчина.

— Это не смешно! После этих звонков... теперь эта серёжка! Это... знак!

— ЗНАК?! — он перебил меня оглушительным, гневным рёвом. — Знак твоей клинической, разъедающей мозг паранойи! Я уже всё тебе рассказал про звонок! Есть уволенная сумасшедшая, которая мстит! А ты ведёшься и строишь из себя Шерлока Холмса! Сколько можно? Три дня я терплю твои взгляды исподтишка, твоё молчание! Ты думаешь, я не замечал, как ты изменилась? Я устал, Ада! Хватит!

Он двумя шагами преодолел расстояние между нами, и я инстинктивно отпрянула, ударившись спиной о край туалетного столика. Зеркало задрожало. Это ещё больше разозлило Арсения.

— Ты чего от меня шарахаешься, как от маньяка? Я твой муж, чёрт побери! — он схватил меня за плечи, не сильно, но крепко, заставив смотреть на себя. Я чувствовала его пальцы через тонкую ткань ночной сорочки. — Ты вообще в своём уме? Ты слышишь, что несёшь? Серёжки, звонки... Дальше что? Начнёшь волосы чужие на моей одежде искать? Может, слежку установишь?

Я пыталась вырваться, но он держал.

— Пусти! Ты делаешь мне неприятно!

— А МНЕ, ДУМАЕШЬ, ПРИЯТНО?! — рывкнул он в ответ. Слюна брызнула мне на щёку. — Мне неприятно от твоего ебучего недоверия! Я с тобой, блядь, как на иголках! Я пытаюсь быть идеальным мужем, я тебя берегу, а ты... то готова поверить первой же стерве, которая тебе рассказала какую-то чушь!

Он отшвырнул меня от себя с такой силой, что я едва удержалась на ногах, ухватившись за столик. Перед глазами поплыли тёмные круги.

— Знаешь что, Ариадна? — он заговорил теперь тихо, отчётливо выговаривая каждое слово. — Я сейчас скажу тебе одну простую вещь. Запомни её раз и навсегда. Если бы я захотел тебе изменить... Ты бы об этом НИКОГДА. Слы-

шишь? НИ-КОГ-ДА не узнала. Я не глупый мальчишка, который оставит следы измены на постели. Я не совершаю ошибок. Так что выкинь это всё из головы. Всё, что у тебя есть — это твоя разгулявшаяся фантазия. Всё. Точка.

Он повернулся и, не оглядываясь, пошёл к двери спальни. На пороге замер, взялся за косяк, но не обернулся.

— Я сегодня буду спать в гостиной. И выброшь нахуй эту третью серёжку. В помойку, где ей и место. Или сохрани, как трофей. Как доказательство своей великой победы над нашим браком. На твой выбор.

Дверь закрылась.

Я стояла, прижимая к груди ладонь с той самой, лишней, серёжкой. Её острый конец впивался в кожу. В ушах гудело от слов Арсения.

«Если бы я захотел... ты бы никогда не узнала».

Сегодня я увидела своего мужа таким, каким не знала за три года нашего брака. Он никогда не повышал на меня голос, не ругался при мне матом.

«Если бы я захотел...»

И самое ужасное было в том, что это фраза... звучала очень правдоподобно.

Глава 9

Солнечный луч, пробившийся сквозь щель в шторах, упал прямо на пустую половину кровати. Простыня на стороне Арсения была идеально заправлена, подушка нетронута. Он сдержал свою угрозу и провёл эту ночь в гостинной.

Я собиралась на репетицию, чувствуя себя разбитой куклой. В голове гудело от бессонницы и противоречий. В голове предательски звучали его слова: «Если бы я захотел... ты бы никогда не узнала».

Когда я заправляла кровать, то увидела на его тумбочке простой белый конверт. Внутри было послание от Арсения. Когда он успел его положить, не знаю, мне казалось, что я совсем не спала.

«Ада.

Прости за вчерашний вечер. Был неправ, перегнул палку. Не оправдываю свою агрессию ни усталостью, ни стрессом. Вёл себя как последний мудака, сорвался на тебе, а ты меньше всего заслужила подобное обращение. Прошу у тебя прощения. Искренне.

После твоего выступления сегодня жду тебя у главного входа. Забронировал столик в «Метрополе». Пригласил Глеба Сергеевича и Лику. Давно не виделись, пообедаем семьёй. Люблю. Твой Арсений».

«Вёл себя как последний мудака». Он никогда так о себе

не говорил. «Перегнул палку» — интересно, это о чём он? О том, что орал на меня матом? Или о том, что схватил за плечи? Ужин. Семья. Какое-то показательное мероприятие получается. Но уставшая от этой ругани часть меня цеплялась за эту записку. Может, правда? Может, он одумался, и это его способ загладить вину?

Мысль о том, что увижу отца и Лику, вызывала радость. После смерти мамы двенадцать лет назад папа буквально растворился в своём горе. Рак груди унёс маму за два мучительных года. Она была пианисткой, её музыка наполняла наш дом даже тогда, когда болезнь уже сковала её тело. Аккомпанировала студентам до последнего, пока пальцы слушались. А потом её не стало, и в папе словно погас свет.

Инфаркт, случившийся у него через полгода, был закономерным продолжением горя. Он просто перестал любить жизнь. И тогда появилась Лилия. Медсестра с красивущими светло-серыми глазами и огненным водопадом прямых рыжих волос. Лица, так мы её называем в кругу семьи, не была охотницей за папиными деньгами, как могли бы подумать некоторые. Скорее ангел-хранитель в белом халате, который не дал папе сломаться окончательно. Да, ей было чуть за тридцать, когда они поженились, а папе — под шестьдесят. Но я видела, как она вытащила его из пропасти. Видела, как её худощавые, сильные руки умело готовили ему диетические блюда, как она терпеливо слушала его бесконечные воспоминания о маме, не ревнуя к призраку.

Я приняла её. Не сразу, но приняла. Она не пыталась заменить мать. Ли́ка стала... старшей подругой. Той, с которой можно было обсудить не только папино давление, но и новую тушь для ресниц или сложности в театре. Она была умна, иронична и обладала той житейской мудростью, которой мне так не хватало. За пять лет их брака мы с Ликой действительно стали близки. Она любила отца, а он расцвёл рядом с ней, снова научился шутить и интересоваться жизнью.

И теперь Арсений приглашает всех в ресторан. Слова, которые могли согреть, если бы не осадок недоверия внутри.

Репетиция прошла на удивление собранно. Мысли о вечере, о том, что после всего этого кошмара может наступить затишье, даже маленькая надежда на примирение, придавали сил. Я летала по залу, забывая обо всём. Мария Витальевна, наш худрук, даже кивнула мне одобрительно: «Наконец-то в форме, Соколова!»

Вечером, уже в гримёрке, нанося последние штрихи грима перед началом выступления, я получила сообщение от Ли́ки:

«Адочка, мы уже в пути, будем у тебя на спектакле! Арсений такой внимательный, купил нам билеты. Мы так за вас рады! Лови сегодня вдохновение! Целую. Твоя Ли́ка».

Смайлик с сердечком в конце. Я улыбнулась. Всё будет хорошо. Арсений одумался. Мы соберёмся за одним столом. Я буду в кругу людей, которые меня действительно любят. И всё уладится.

Выход на сцену был триумфальным. Я парила, забыв о подозрениях, звонках и серёжках. Я танцевала для всех зрителей и для мамы, где бы она ни была.

Занавес опустился под гром оваций. Я, задыхаясь от счастья и усталости, видела отца в партере, сияющего от гордости, и аплодирующую изо всех сил Лику. Арсения рядом с ними не было.

Но он обещал встретить у выхода. Я вышла из театра, щурясь от яркого зимнего солнца. Арсений стоял, прислонившись к чёрному «Мерседесу», в идеально сидящем тёмном пальто. А в руках у него был букет — целая охапка белых пионов. Мои любимые цветы.

Увидев меня, он выпрямился и сделал несколько шагов навстречу.

— Ада, говорят, ты была божественна сегодня.

Он протянул цветы. Аромат пионов ударил в нос, сладкий и пьянящий, перебивая запах городской зимней грязи.

— Прости за вчерашнее. Я был ослом. Больше этого не повторится.

Я взяла букет машинально. Мои пальцы утонули в шелковистых лепестках. Это был такой разительный контраст с его вчерашней жестокостью, что голова пошла кругом. Это игра. Должна быть игра. Но почему-то сердце верило.

— Спасибо, — пробормотала я. — Папа с Ликой?

— Уже в машине, ждут нас, — он мягко взял меня под локоть, его прикосновение было твёрдым и тёплым. — По-

ехали. Всё готово.

В салоне отец сиял, а Лика, одетая в изумрудное платье, которое очень гармонировало с её рыжими волосами, улыбалась. Но её улыбка была какой-то ненастоящей, а взгляд слишком часто скользил по Арсению, будто проверяя его реакцию на каждое моё слово.

«Метрополь» встретил нас тишиной приватного столика и дорогим вином. Арсений был безупречен: галантный, внимательный, его прикосновения ко мне были лёгкими и нежными. Он разливал вино, заказал моего любимого Камчатского краба, ловил взгляды. Он хотел, чтобы примирение прошло идеально. И я, как дура, почти начала в это верить.

Вино лилось рекой. Отец разгорячился, вспоминал старые истории. Арсений поддакивал и смеялся. А Лика... пила. Больше и быстрее всех. Её щёки покрылись нездоровым румянцем, а серые глаза стали слишком блестящими.

— Арсений, ты просто волшебник! — вдруг громко сказала она, когда он снова наполнил мой бокал водой. — Так умело всё устроил. И цветы, и ресторан... Прямо как в кино. Ты всегда так умел очаровывать?

В её тоне была странная нота горькой иронии, будто только она знала что-то скрытое от всех.

— Лилия, ты, кажется, перебрала с хересом, — мягко, но с лёгким предупреждением в голосе сказал отец.

— Что ты, Глеб, я в полном порядке! — она махнула рукой и неосторожно толкнула свой бокал. Он бы упал, если бы

Арсений не подхватил его. Их пальцы встретились на мгновение. Лика резко отдернула руку, будто обожглась.

— Ой, простите! Какая я неуклюжая...

Арсений поставил бокал, его лицо оставалось невозмутимым, но уголок глаза дернулся.

— Ничего страшного. Тебе, может, стоит выпить воды?

— Нет-нет, всё хорошо, — она налила себе ещё вина, рука дрожала. Её взгляд упал на меня, на мой нетронутый десерт. — Адочка, ты что не ешь? Тебе не нравится? Арсений так старался выбирать...

В её словах не было заботы. Было какое-то нервное, навязчивое участие. Будто она хотела быть в центре этой сцены.

— Мне всё нравится, Лика, спасибо.

— Ну и отлично! — она звонко хлопнула в ладоши. — Тогда давайте выпьем! За нашу прекрасную Аду! За её терпение! — она подняла бокал и выпила залпом. Потом её лицо на мгновение исказила гримаса. То ли от крепкого вина, то ли от чего-то другого.

Арсений молча наблюдал за ней. В его взгляде читалось раздражение. Будто его идеально отрепетированный вечер портила какая-то непредвиденная помеха.

Дальше стало только хуже. Лика говорила всё громче, смеялась невпопад, перебивала. Она пыталась шутить, но её шутки были плоскими и слегка язвительными, особенно в адрес Арсения. То про слишком дорогой ресторан, то про

то, что «такие мужья нынче на вес золота». Отец смущённо пытался её осадить, но она его не слышала.

— Знаешь, Ада, — вдруг сказала она, наклонившись ко мне через стол, и от неё пахло вином и дорогими духами с горьковатым шлейфом. — Тебе так повезло. У тебя есть всё. И карьера, и такой... заботливый муж. Некоторые могут только мечтать о таком.

Глава 10

Ли́ка сказала это, глядя прямо на Арсения. И в её влажных глазах на секунду мелькнуло что-то такое нагое и тоскливое, что у меня ёкнуло сердце. Но это было мгновение. Потом она снова засмеялась и потянулась за бутылкой.

— Ли́лия, хватит, — голос Арса прозвучал тихо, однако был наполнен такой твёрдостью, что даже отец вздрогнул.

— Что? Я же просто... — она попыталась что-то сказать, но её слова сползли в невнятное бормотание. Она вдруг побледнела и прикрыла рот ладонью.

— Всё, — твёрдо сказал отец, вставая. — Мы едем домой. Ты явно не в себе. Арсений, Ада, простите.

— Ничего страшного, Глеб Сергеевич, — Арсений тоже поднялся. — Бывает. Отвезите её, пожалуйста. За счёт не беспокойтесь.

Он помог отцу поднять Ли́ку. Она шла, пошатываясь, не глядя ни на кого. На прощание она лишь бросила короткий, мутный взгляд в нашу сторону, но я не смогла понять, на кого именно он был направлен — на меня или на Арсения.

Когда они уехали, за столом повисла тяжёлая тишина. Арсений выглядел усталым и раздражённым.

— Вот это цирк устроила Ли́ка, — сказал он. — Не знаю, что на неё нашло. Обычно же она адекватная.

— Она много пила.

— Да, — он сделал глоток воды. — Слишком много. Испортила весь вечер.

Мы доели десерт в почти полном молчании. Арс пытался вернуть лёгкость, шутить, но напряжение не уходило. Вскоре Соколов оплатил счёт, и мы собрались ехать домой.

Арсений открыл передо мной дверь машины. Он не пил, поэтому сел за руль сам.

— Ну, хоть немного от них передохнём, — произнёс он, заводя мотор.

Мы выехали на набережную. Я молчала, глядя на тёмные воды Невы и отражённые в них огни. В голове вертелся образ Лики: её стеклянный взгляд, навязчивое внимание к Арсению, непонятные реплики.

— Странно она себя сегодня вела, — наконец, не выдержав тишины, сказала я.

— Кто? Лика? — он пожал плечами, не отрывая глаз от дороги. — Выпила лишнего. С кем не бывает.

— Дело не в этом. Она... на тебя всё время смотрела. Не как на родственника. Слишком пристально. Каждое твоё слово ловила. И эти её намёки...

— Какие намёки? — его голос слегка огрубел. — Тебе показалось. Она просто волновалась за тебя. Или завидовала, что у тебя муж под боком, а у неё старик, с которым только о болезнях говорить. Не усложняй.

Арс грубо отмахнулся от меня, как будто я говорила что-то нелепое и раздражающее.

— Нет, Арсений, это было не просто! Она буквально впи-
валась в тебя взглядом! Она дотрагивалась до тебя без пово-
да! Это было... неестественно!

Он резко ударил ладонью по рулю. Звук был негромким,
но отчётливым, выражающим все его эмоции.

— Хватит! — рявкнул он. Его лицо, освещённое прибор-
ной панелью, исказила гримаса раздражения. — Я устал!
Устал от твоих вечных подозрений! Сначала серёжки, теперь
вот Лика! Ты вообще слышишь себя? Ты ищешь врагов в
каждом, кто ко мне приближается!

— Я не ищу врагов, я говорю, что вижу! — парировала я.

— Ты видишь то, что хочешь видеть! Параноидальные
фантазии! — он с силой нажал на газ, и машина рванула впе-
рёд, прижимая меня к креслу. Мы пронеслись мимо поворо-
та на наш дом. — Лика — жена твоего отца! Она, в отличие
от некоторых, ведёт себя адекватно и не строит из каждой
мухи слона!

Мы промчали мимо следующих знакомых улиц. Сердце
начало бешено колотиться. Он не сворачивал домой.

— Куда мы едем? — спросила я, стараясь звучать твёрже,
чем чувствовала себя.

— Покатаемся, — отрезал он, не глядя на меня. Его че-
люсть была напряжена. — Раз уж ты такая нервная, провет-
римся. Чтобы всякую дурь из головы выбить.

Это было уже не раздражение. Это была агрессия. Он
свернул с освещённой набережной на более тёмную дорогу,

ведущую к выезду из города. Фонари стали реже.

— Мне не нужно «проветриваться». Я хочу домой. Поворачивай назад.

— Я сказал — покатаемся, — он включил музыку. Что-то тяжёлое, давящее, заглушающее любые попытки разговора.

Страх, настоящий, леденящий, пополз по спине. Это был не тот Арсений, которого я знала. Этот был чужим. Опасным. И он увозил меня в ночь, за город, под предлогом «проветриться». В голове пронеслись все криминальные хроники, все страшные истории. Я незаметно потянулась к сумочке, где лежал телефон.

Он заметил движение краем глаза.

— И телефон убери, — бросил он сквозь зубы. — Ничего с тобой не случится. Послушаешь, что я тебе скажу. И может наконец-то поймёшь, что твои истерики меня достали. В конец.

Машина летела по пустынной трассе. За окном мелькали тёмные поля и редкие огоньки дачных посёлков. Я была в ловушке. В металлической клетке с человеком, чьё лицо в полумраке казалось лишено любых эмоций.

Я притворилась, что подчиняюсь, замерла в кресле, глядя в окно. А сама медленно, миллиметр за миллиметром, просунула руку в сумочку. Пальцы нащупали холодный корпус телефона. Нужно было набрать экстренный вызов. Или написать отцу... Но как, если он следит?

В этот момент он резко сбросил скорость и свернул на ка-

кую-то грунтовую дорогу, ведущую вглубь тёмного леса. Фари выхватывали из мрака стволы сосен.

— Вот, — прошипел он, заглушая двигатель. — Тишина. Никто нам не мешает поговорить. По-взрослому. О твоём поведении, Ариадна.

Глава 11

Я рванула ручку двери. Заблокировано. С центрального замка.

— Открой. Сейчас же.

— Нет, — его голос прозвучал спокойно. — Мы поговорим. Чтобы ты поняла раз и навсегда.

— Я не хочу с тобой говорить! Я хочу домой! Ты что, совсем спятил? Привёз меня в лес, как какой-то маньяк!

— Спятила ты! — его спокойствие лопнуло в один миг. Он ударил кулаком по рулю, и клаксон хрипло взвыл в ночи, заставив меня вздрогнуть. — Спятила со своей паранойей! Ты ищешь измену везде, в каждой случайной фразе! Лица выпила лишнего и потрогала меня за рукав, и ты уже видишь тайную страсть!

Он повернулся ко мне. Его пальцы впились в подголовник моего кресла.

— Я устал оправдываться, Ада. Устал доказывать. Я — всё для тебя. Всё! Дом, карьера, защита. А ты... ты благодарности ноль. Только подозрения.

— Отстань от меня! — я попыталась оттолкнуть его, но его тело было неподвижно. Мои ладони упёрлись в его грудь, в дорогую шерсть пальто. Бесполезно.

— Нет, — прошипел он. Его дыхание стало горячим и быстрым. — Не отстану. Потому что если ты не веришь мо-

им словам... я заставлю тебя поверить моему телу. Так, чтобы эта дурь у тебя из головы наконец вылетела. Чтобы ты наконец поняла, что я твой муж. И ЧЬЯ ты.

Страшные мысли о дальнейшем развитии событий заполнили голову.

— Что... что ты хочешь сделать?

— Доказать, — коротко бросил он. Его рука сорвалась с подголовника и схватила меня за плечо. Больно. Его пальцы впились так, что я вскрикнула. — Доказать, что кроме тебя мне никто не нужен. Никогда не был нужен. Ты — моя. Вся. И я возьму то, что моё. Прямо здесь. Прямо сейчас. Чтобы ты запомнила.

— Не смей! Арсений, нет! — мой крик был громким, полным страха. Я забилась, пытаюсь вырваться. Моё колено ткнулось куда-то в его бок. Он только фыркнул.

— Борись, — его голос стал низким, хриплым, полным какой-то извращённой страсти. — Борись. Я люблю, когда ты борешься.

Одной рукой он продолжал держать меня, другой потянулся к поясу моего платья. Шёлк затрещал под его напором.

— Перестань! Ты же не животное!

— Ты — моя, — он дёрнул, и пояс развязался. — И я буду делать с тобой всё, что захочу. Чтобы ты выбросила из головы всех этих Лик, всех этих подставных любовниц. В твоей голове должен быть только Я. Мой запах. Мои руки. Мой вкус.

Его губы раздавили мои, зубы стукнулись о мои зубы. Я попыталась оттолкнуть его, но его ладонь схватила меня за горло. Он не пытался душить меня, а пригвоздил к креслу. Холодная дрожь страха пронзила всё тело. Другой рукой схватил ткань платья и резко рванул в сторону. Тонкий шёлк на груди затрещал и разошёлся по шву. Левая грудь оказалась наружу, и холодный воздух салона обжёг кожу. Я ахнула.

— Видишь? — его пальцы сжали обнажённую грудь, грубо, до боли, заставляя ткань врезаться в кожу. — Видишь, как я к ней прикасаюсь?

Он отпустил мою шею, и его рука устремилась вниз, под подол. Его пальцы, сильные и ловкие, впились в край колготок. Резкий рывок — и капрон порвался с сухим, унижительным хрустом. Я вскрикнула, пытаюсь сомкнуть ноги. Арсений нажатием кнопки опустил моё кресло и перелез на мою сторону. Его колено грубо раздвинуло мои бёдра, упираясь в мягкую кожу внутренней поверхности бедра. Больно.

— Не... не надо... — шептала я.

— Надо, — отрезал он. Его пальцы скользнули внутрь, ко мне. Грубо, без подготовки, исследуя, проверяя. Я зажмурилась, чувствуя, как горячая волна стыда и унижения заливает лицо. — Ты сухая. От страха? Или от того, что наконец-то поняла, какая ты дура?

Он убрал пальцы. Потом раздался звук звяканья пряжки ремня, шипение молнии. Я открыла глаза. Он освобождал себя, не отрывая от меня взгляда.

— Смотри, — приказал он. — Смотри, что ты со мной делаешь. До чего доводишь.

Он не стал ждать. Его руки схватили меня под бёдра, резким движением уложив меня на сиденье. Спина ударилась о какой-то выступ. Я лежала в неестественной, согнутой позе.

— Подними ноги, — его голос был лишён всяких эмоций, кроме властного приказа. — Выше. На торпеду.

Когда я не послушалась, он сам схватил мои лодыжки и швырнул мои ноги вверх. Колени почти упирались в грудь. Поза полной беззащитности. Унижения.

— Вот так. Отлично.

Он навис надо мной, заблокировав весь свет. Его руки упёрлись в потолок салона по бокам от моей головы. И он вошёл в меня.

Резкое, разрывающее, тупое вторжение. Боль, острая и жгучая, пронзила насквозь. Я завизжала, моё тело дико дёрнулось, пытаюсь вытолкнуть захватчика. Но он был уже внутри. Глубоко. И он начал двигаться.

Ритм был жёстким, без капли жалости. Каждый толчок вбивал меня в холодную кожу сиденья. Его бёдра хлопали о мои с мокрым, мерзким звуком. Скрип кожи по коже смешивался с его тяжёлым, сопящим дыханием и моими рыданиями.

— Чувствуешь? — он хрипел над ухом, его пот капал мне на щёку. — Чувствуешь, кто здесь хозяин? Кто имеет право на это тело? Кто может делать с ним всё, что захочет?

Его рука скользнула между наших тел, его пальцы нашли меня снова. Грубо, без ритма, он тёр клитор, для демонстрации: «Смотри, я могу заставить твоё тело реагировать, даже когда душа рвётся на части». Противная, предательская волна тепла, смешанная с болью и отвращением, пробежала по животу.

— Вот видишь... даже так... ты моя... — его слова распапались на слоги в такт его яростным толчкам.

Он одной рукой продолжал своё чёрное дело, а другой схватил меня за подбородок, заставив смотреть на себя.

Привет, мои любимые читатели!

Если история вам нравится, поддержите её звёздочкой или парой слов в комментариях! Мне очень важно знать ваше мнение. И да, самое важное — жмите «Добавить в библиотеку», чтобы быть в курсе всех новых глав.

Спасибо, что вы со мной!

Глава 12

— Запомни это лицо. Этот момент. Вот что будет, если ты посмеешь ещё раз усомниться во мне. Если посмеешь подумывать о разводе. Если скажешь кому-то хоть слово. Понимаешь?

Я не могла ответить. Я могла только рыдать, задыхаясь от его груза, от его запаха, от этой чудовищной близости. Тело начало подстраиваться под навязанный ритм, предавая меня, отвечая на физиологическом уровне на эту пытку. Это было самое ужасное. Чувствовать, как внутри всё сжимается и пульсирует не от желания, а от животного шока и насилия.

Он почувствовал это. Его движения стали ещё резче, ещё глубже.

— Да... вот так... принимай... принимай всё... моя... моя сука...

Его оргазм нахлынул с низким, победным стоном. Он вогнал себя в меня до упора и замер, его тело напряглось в судороге. Я почувствовала горячий выброс глубоко внутри. Печать. Клеймо.

Потом он рухнул на меня. Он лежал, тяжело дыша, его лицо было в моих растрёпанных волосах.

Минуту. Две. Он поднялся. Без слов. Поправил брюки, застегнул ширинку. Звякнула пряжка ремня. Он сел на водительское место, завёл двигатель. Свет фар снова прорезал

тьму.

Я лежала на кресле, не в силах пошевелиться. Всё болело. Всё горело. Внутри, на бёдрах, между ног. Я медленно, как столетняя старуха, попыталась натянуть на себя порванное платье. Оно было влажным и липким.

— Вставай, — сказал он, подняв моё кресло, не глядя. — Садись. Приводи себя в порядок.

Я опустила козырёк с зеркалом и посмотрела на себя. Размазанная тушь, опухшие губы, дикий взгляд.

Он ехал молча. Шоссе. Фонари. Признаки города. Казалось, самое страшное позади. Он выбил из меня всё, что хотел, и даже больше. Оставил только пустоту и боль.

Он достал из бардачка маленькую, изящную дорожную косметичку. Не мою.

— Приведи себя в порядок, — повторил он.

Я открыла её. Внутри — тональный крем, пудра, тушь, новая помада моего оттенка. Откуда она у него? Но спрашивать я уже побоялась.

— Ты не можешь войти в дом в таком виде. Консьерж подумает бог знает что.

Я машинально взяла тональный крем. Мои руки дрожали.

— И волосы приberi, — добавил он, глядя прямо перед собой.

Я делала это на автомате. Пудрила синяки, которые он оставил на груди, пока он смотрел в лобовое стекло. Накладывала макияж на заплаканное лицо. Всё внутри кричало.

Когда я закончила, мы были у нашего дома. Он вышел, обошёл машину, открыл мне дверь с вежливым жестом, как истинный джентльмен. Помог мне надеть пальто, которое лежало на заднем сиденье машины. Взял меня под локоть и пошёл через холл. Улыбнулся консьержу.

— Вечер тяжёлый, спектакль, — сказал он светским тоном. — Жена устала.

В лифте он не отпускал мою руку. Его пальцы сжимали мой локоть.

В квартире он закрыл дверь. Повернулся ко мне.

— Душ и спать. Утром всё забудется, — сказал он коротко и пошёл в кабинет, не оглядываясь.

Я стояла в прихожей, ещё пахнувшая им, лесом и этим... насилием. И поняла, что забыть не смогу. Никогда.

Я побрела в ванную. Включила воду, горячую, почти кипяток. Сорвала с себя порванное платье и швырнула в корзину. Стояла под струями, скребя кожу мочалкой, пока она не стала красной. Но его запах, ощущение его внутри... Ничто не помогало.

Завернувшись в банный халат, я вышла в спальню. На кровати лежала моя ночная рубашка. Как заботливо.

Я легла на свою сторону, отвернувшись к стене. Через полчаса он вошёл. Разделся. Лёг сзади. Его рука обвила мою талию, притянула к себе. Я замерла.

Через какое-то время его рука на моём животе наконец обмякла, дыхание стало глубоким и ровным. Он спал.

Я лежала неподвижно, пока сердце не перестало колотиться о рёбра, как дикая птица. Потом начала двигаться. Миллиметр за миллиметром. Приподняла его тяжёлую руку, она безвольно упала на простыню. Я задержала дыхание. Ни звука.

Скользнула с кровати, босые ноги погрузились в холодный ворс ковра. В темноте, не включая свет, я открыла шкаф. Руки сами нашли старый спортивный рюкзак. Я не думала. Действовала. На ощупь. Взяла несколько футболок, джинсы, тёплый свитер. Бельё из ящика. Из ванной — зубную щётку, пасту, самое необходимое из косметички. Всё на автомате, без единой мысли.

Я затолкала всё в рюкзак.

На цыпочках прошла в гостиную. Ключи от старой квартиры всё ещё лежали в ящике комода, в конверте с надписью «На всякий случай». Его почерк. Вот этот случай и настал.

Я сунула ключи в карман джинсов.

На кухне при свете уличного фонаря через окно взяла со стола свой телефон и пауэрбанк. Рюкзак перекинула через плечо. Последний раз обернулась. Наш дом. Моя тюрьма.

Схватила кроссовки у порога, вышла в подъезд босиком, боялась разбудить Арсения, тихо прикрыла дверь. Пошла по лестнице, этаж за этажом, в полной тишине. Холодный мрамор ступеней леденил босые ноги. Я дошла до первого этажа, села на последней ступеньке и натянула обувь. Потом толкнула тяжёлую дверь на улицу.

Ночной холодный воздух Петербурга ударил в лицо. Я сделала глубокий вдох.

Вызвала такси, сказала адрес: Петроградская сторона, набережная реки Карповки, дом 20. Машина рванула с места, увозя меня от него, от этого кошмара.

Ну вот я и пришла в свой старый дом. Свет от лампы захватил из темноты знакомый интерьер. Квартира была невелика, но со вкусом обставлена. Когда-то мы с Катей гордились этим ремонтом. Современная кухня-гостиная с глянцевыми фасадами и барной стойкой, которая помнила сотни бокалов вина и откровенных разговоров за полночь. Моя бывшая спальня была обставлена минимально, односпальная кровать, рабочий стол у окна. Каждая вещь хранила отголоски нашей молодости.

Я сбросила рюкзак на пол, заперла дверь на все замки и цепочку. Прислонилась спиной к холодной деревянной поверхности. Тело дрожало мелкой дрожью, как в лихорадке. Сейчас. Сейчас можно было подумать. Или сойти с ума.

Глава 13

С самого утра в висках стучала тупая, изматывающая боль. Всё тело ныло, будто меня переехал асфальтовый каток. Каждый мускул, каждая кость напоминала о вчерашнем вечере. О его руках. О том, как холодная кожа кресла обжигала спину.

Я потянулась к телефону на полу. Экран плюнул в лицо ярким светом: 8:47. Через тринадцать минут должен был начаться разогрев. Я набрала номер нашего худрука.

— Мария Витальевна, это Соколова. Я... сегодня не смогу.

На том конце воцарилась пауза.

— Что случилось?

— Температура. И... голова раскалывается. Грипп, кажется. Возьму три дня за свой счёт.

— Грипп, — она протянула слово, было понятно, что не верит. — Вчера всё прекрасно, а сегодня грипп? Ариадна, если это какие-то твои личные дела начинают влиять на работу...

— Это не личные дела! — сорвалось у меня, и тут же я пожалела. Никто не кричал на Марию Витальевну. — Простите. Просто плохо. Очень. Я приду послезавтра, клянусь.

Ещё одна пауза.

— Ладно. Выздоровливай. Но послезавтра я жду тебя у

станка. В лучшей форме.

— Спасибо.

Я бросила телефон и зарылась лицом в подушку. Мысли путались: надо прибраться, надо душ принять, надо поесть. Но тело отказывалось слушаться, требуя просто лежать и не шевелиться.

Через некоторое время звонок телефона вырвал меня из полудрёмы. Я вздрогнула. Пожалуйста, только не Арсений! Сто процентов это он. Но нет, на экране было фото пьяной смешной рожицы в бумажной короне. Моя дорогая любимая подружка Катька.

Я взяла трубку.

— Алё...

— Ада! Ити тебя колоти! — её голос был как ураган, громкий, радостный, несущий с собой шум кафе. — Где ты пропала? Я вчера пятьсот раз тебе звонила, ты не брала! Думала, тебя твой принц Арсений на Бали увёз!

— Нет, дорогая, я не на Бали...

— Слушай, у меня новость года! Я не могу по телефону! Ты где? Дома? Я к тебе мчусь, у меня шампанское в сумке!

«Дома» для Кати означало нашу — его и мою — квартиру на Английском проспекте.

— Нет! — вырвалось у меня слишком резко. — Я не там.

— А где? В театре? Сейчас примчу!

— Кать, я... я на Петроградке. В своей квартире.

На том конце на секунду воцарилась тишина.

— На Петроградке, — повторила она медленно. — В своей старой квартире? Охуеть. Ты что, сбежала от муженька?

Она не пыталась меня осудить, её разбирало любопытство. Что могло заставить меня уйти из «рая», где я жила с таким потрясающим мужчиной, как Арсений? Окружающие видели в моей жизни идеальную картину, и я сама долгое время разделяла это убеждение.

— Вроде того.

— АДИЩЕ! — завопила Катька так, что я отдёрнула телефон от уха. — Сиди там! Не двигайся! Я уже выезжаю! Через двадцать минут буду! Всё расскажешь!

Ровно через восемнадцать минут зазвонил домофон.

— Кто?

— Открой, дура, замерзла!

Я нажала кнопку открытия. Через пять минут в дверь забарабанили.

— Аааа! Открывай, руки заняты!

Я отперла. На пороге стояла она. В розовом пуховике, с огромной сумочкой через плечо и... с двумя бутылками шампанского в руках.

— Ну ты даёшь! — Катя ввалилась внутрь, закрыв дверь ногой. Её взгляд скользнул по пыльным полкам, рюкзаку в углу, по мне в старой пижаме. — Боже, тут пыли... Ох, а сама-то выглядишь, как смерть бледная.

Она поставила бутылки на пол с грохотом, скинула пуховик и принялась расхаживать по комнате, как пантера в клетке.

— Ладно, рассказывать будешь потом! Сначала праздник! У меня новость! Я, сука, свободна!

Мы переместились на кухню. Катюха достала сигареты, зажигалку.

— Представляешь? Подала! Наконец-то! На этого жирного, лысеющего, изменяющего ублюдка! И знаешь, что самое кайфовое? Он так и обосрался! Думал, я вечно буду его носки стирать и его пивной живот поглаживать! Ага, сейчас!

Она закурила, выдохнула струйки дыма в потолок.

— Нашла себе адвоката — красавца, кстати, — и на тебе! Говорит, у Димки столько баб на стороне, что если их вместе поселить — целый город получится. Мы его, гада, так ограбим, что он вернётся кататься на своей старой «Ладе»!

Я стояла, прислонившись к косяку, и пыталась встроиться в её энергичный поток. Улыбнуться. Получилось что-то кривое.

— Поздравляю, — выдавила я.

— Поздравления с такой интонацией больше похожи на прощание... — Катя фыркнула и потянулась за бутылкой. — Где у тебя тут бокалы? О, нашла!

Она, не церемонясь, полезла в открытый шкафчик, нашла две немытые чашки для кофе и сполоснула их под краном.

— Ну чё молчишь? — она хлопнула пробкой, которая со звоном ударилась в потолок. Пена хлынула через край. — Рассказывай, как ты? Что с твоим Принцем на Мерседесе? Стал уже со своими фотостудиями олигархом?

Она налила пенистой жидкости в чашки и сунула одну мне в руку. Я взяла. Пахло кисло-сладким.

— Кать, это... утром. И я...

— Утром, вечером — какая разница! — она чокнулась со мной и выпила залпом. — Пей. Считай это лекарством. Особенно от мужиков.

Я сделала маленький глоток. Пузырьки щекотали горло, но вкус был пустым, водянистым.

— У нас... не всё хорошо, — начала я осторожно.

— А у кого оно хорошо? — Катя махнула рукой и устроилась на подоконнике. — Они все козлы. Просто твой был при бабле. Ну, так что? Изменяет? Я же тебе говорила, эти богатые — они все...

Я смотрела на сигаретный дым, на её счастливое, возбуждённое лицо. И не могла. Не могла выложить ей эту грязь. Эти звонки. Серёжки. Лес.

— Он... он стал плохо со мной себя вести. Кричать...

— Ну конечно! — Катя выдохнула дым колечком. — Баба должна сидеть дома, рожать и улыбаться. Классика. А ты что, терпишь? Ты ж всегда была с характером.

«Характер», — эхом отозвалось у меня в голове. Где этот характер был вчера? Где он был, когда его пальцы впивались

мне в плечи?

— Я не терплю. Я... ушла.

Катя замерла с сигаретой на полпути ко рту.

— Серьёзно? Куда? Сюда? На Петроградку? — её взгляд снова пробежался по комнате, и теперь в нём появилось понимание. — Охренеть. И давно?

— Вчера вечером.

— И он... отпустил?

Я не ответила. Просто поставила чашку и медленно, будто снимая бинты с раны, расстегнула пуговицы на своей фланелевой пижаме. Сдвинула ткань с плеча.

Катя ахнула. Сигарета выпала у неё из пальцев и упала на пол, рассыпав искры. Она не заметила.

— Бля... Ада... Это... это он?

Визуализация 2

Давайте познакомимся с очередными героями нашей истории.

Глеб Сергеевич Ростовский. 64 года.

Отец Ариадны. Владелец крупного конструкторского бюро, в Советское время главный инженер.

Лилия Александровна Ростовская. 35 лет

Молодая жена Глеба Сергеевича.

Глава 14

На моём плече, прямо под ключицей, цвел сине-багровый синяк. Чёткий отпечаток пальцев.

— Он тебя... ударил?

— Не бил. Держал. Чтобы я не вырывалась. Потом... — я не стала показывать остальное. Бёдра, рёбра. — Увёз в лес. И там... доказал, кто в доме хозяин.

Катя сползла с подоконника. Подошла ближе. Её лицо, секунду назад сияющее от победы, изменилось. Она аккуратно прикрыла мне пижаму.

— Доказал, — повторила она. — Понятно. То есть просто взял и трахнул, как хотел. Прямо в машине.

Я кивнула, глядя в пол.

— Блядь, — выдохнула Катя. — Блядь, блядь, блядь. Я думала, мой — мразь конченная. Но твой... твой просто маньяк какой-то. А казалось, что он просто тебя боготворит. Это же самое страшное.

Она подняла с пола окурки, затушила его, потом схватила свою чашку, налила себе ещё и выпила залпом.

— Ладно. Слушай сюда. С таким — только развод. И только через адвоката, который специализируется на таких... домашних тиранах. У моего красавца как раз коллега. Я позволю. Сегодня же. Никаких «попробуем ещё раз». Ты поняла? Он однажды перешёл черту. Второй раз может быть хуже...

— она не закончила мысль, но мы обе поняли.

В этот момент внизу зазвенел домофон. Резко, один раз. Мы замолчали, переглянулись.

— Ты ждешь кого? — шёпотом спросила Катя.

Я покачала головой.

Домофон зазвенел снова. Настойчивее.

— Не открывай, — схватила меня за руку Катя. — Игнорь.

— А если... если это не он? Сейчас же день. Он на работе.

— Ты в этом уверена?

Я подошла к панели. Рука дрожала. Нажала кнопку.

— Кто?

— Доставка цветов для Соколовой, — бодрый молодой голос.

Катя выхватила у меня трубку.

— От кого?

— От Арсения Валерьевича. Букет и записка. Мне строго наказано передать только в руки. И позвонить заказчику, когда выполню. Было сказано стоять до последнего.

Катя посмотрела на меня. Я кивнула. «Лично в руки» означало, что курьер не уйдёт, пока не выполнит поручение. Он будет звонить, стучать, привлечёт внимание соседей.

— Ладно, — сказала Катя в трубку. — Жди.

Она отключилась и схватила свой пуховик.

— Ты никуда не выходишь. Я сама.

— Кать...

— Сиди! — она уже натягивала сапоги. — И не подходи к окну.

Она выскочила за дверь. Я прилипла к стене рядом с входом, слушая, как её шаги затихают на лестнице. Потом я их снова слышала. Быстрые.

Катя влетела в квартиру, захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной. В её руках был огромный, роскошный букет. Чёрные орхидеи. Мрачные, бархатные, дорогие. И маленький конверт из плотной бумаги.

— На, — она протянула мне букет, будто это была змея. — Несезонные, сволочь. Должно быть, стоят как мой телефон.

Я взяла букет. Он был тяжёлым. Я швырнула его в угол, где он грузно упал, рассыпав лепестки. Вскрыла конверт.

Почерк. Его безупречный почерк.

«Ада. Прости. Вчера я был не в себе. Ты довела меня до точки, но это не оправдание. Я превратился в животное. Я презираю себя. Вернись. Давай поговорим. Как взрослые люди. Я всё исправлю. Твой, каким бы уродом я ни был, Арсений.»

Я передала записку Кате. Она пробежала глазами и фыркнула.

— «Превратился в животное». Ага, проснулся и осознал. Классика. «Вернись, давай поговорим». То есть вернись в клетку, я тебя там накормлю и поглажу, пока снова не ощетишься. Нет, детка. Ты ему сейчас одну вещь должна сделать.

Она достала свой телефон.

— Что?

— Сфоткай свой синяк. Чётко, крупно. И пришли ему. Без слов. Только фото. Пусть полюбуется на работу своих рук.

Идея была жестокой. И правильной. Мои пальцы дрожали, но я сделала, как она сказала. Расстегнула пижаму, подошла к окну, чтобы был свет, и сделала несколько снимков. Последний вышел идеально: синева на фоне бледной кожи выглядела особенно чудовищно. Я выбрала его.

«Кому: Муж. Вложения: 1 фото.»

Палец завис над кнопкой «отправить».

— Давай уже, — подстегнула Катя. — Или жалко стало своего насильника?

Это слово — насильника — ударило, как ток. Я нажала «отправить».

Сообщение ушло. Прошло десять секунд. На экране появилось: «Прочитано». Потом сразу: «Муж печатает...» Тросточие мигало. Казалось, вечность. Наконец, пришёл ответ. Короткий.

«Что это за идиотская игра? Удали немедленно. Я не шу-чу.»

Ни шока. Ни ракаяния. Ни «боже, что я наделал». Просто приказ. Удали улику.

Катя, смотревшая через плечо, тихо, злорадно рассмеялась.

— Ну вот и всё. Всё, что нужно знать. Он не сожалеет о содеянном. Он сожалеет, что остались доказательства. Запомни это, Ада. И никогда не забывай.

Я смотрела на эти слова. «Удали немедленно». И не стала удалять фото. Вместо этого я открыла галерею, нашла ещё одно — с общим планом, где было видно и синяк, и моё лицо, искажённое болью и слезами. И отправила его. Вслед за ним — голосовое. «Вот...Вот, смотри. Полюбуйся. Это твоя работа. Ты счастлив? Ты доказал, что сильнее? Я не буду это удалять. Никогда. И если ты...если ты ещё раз пришлёшь цветы, или кто-то от тебя придёт, или просто напишешь мне...я...я не знаю, что сделаю. У меня хватит сил, чтобы эти фото увидели все. Оставь меня. Пожалуйста. Просто оставь в покое.». Я отключила запись и отправила. Катя смотрела на меня, её рот был приоткрыт. А на экране снова замигало троеточие. «Арсений печатает...» И тут же в комнате зазвонил мой стационарный телефон, проводной, который я не слышала с момента переезда. Арс один из немногих знал этот номер. Не на мобильный, видимо, догадывался, что я запишу разговор. Он звонил сюда.

Глава 15

Телефон звонил. Не переставая. Дребезжащий старенький аппарат на тумбочке, который мы с Катей хотели выкинуть ещё, когда жили в этой квартире вместе. Я сидела на диване, обхватив колени руками, и смотрела на телефон, словно он был источником всех моих бед.

— Не бери, — прошипела Катя, затягиваясь сигаретой у окна. — Это он. Чувствую. Псих на проводе.

— А если это не он, — пробормотала я, не отрывая взгляда от телефона.

— Тогда тем более не бери.

Но я всё же подняла трубку.

— Адусь? Это ты? Почему мобильный не берёшь? Я уже десять раз звонил! — тревожно заговорил папа.

— Пап... я... — не знала, с чего начать.

— Арсений мне только что звонил. Всё рассказал.

Конечно, рассказал. Уверена, что так, как удобно ему.

— Сказал, что вы поссорились. Что он... допустил ошибку. В порыве чувств. Он в отчаянии, Ада. Рвёт на себе волосы. Уверяет, что любит тебя больше жизни.

Я зажмурилась. Картинка всплыла сама: Арсений у себя в кабинете, с идеально уложенными волосами, с бокалом виски. Говорит папе мягким, убедительным голосом. Именно так когда-то он завоевал моё доверие. В лесу он со мной раз-

говаривал совсем по-другому.

— Это не ошибка, папа. И не ссора. Он... — я замолчала, не зная, как объяснить.

— Дочка, я всё понимаю, — перебил меня папа. — Мужчины мы, горячие. Иногда перегибаем палку. Особенно когда ревность мучает. Он же сказал — ты ему какую-то серёжку предъявила, усомнилась в нём... Он сгоряча. Не контролировал себя.

«Сгоряча», — повторила я про себя. Словно этим можно было оправдать его поступок. Словно можно было стереть из памяти его руки, боль, запах его пота, смешанный с моим страхом.

— У меня всё тело в синяках, папа, — сказала я, глядя на своё запястье. — Он...

— Он в сердцах! — папа почти крикнул, и я услышала, как он стучит кулаком по столу. — Он не хотел тебе зла, ты сама понимаешь! Он же не какой-то маньяк, он — Арсений. Твой муж. Тот, кто тебя на руках носил! Кто квартиру вам купил, кто о тебе заботился! Разве можно из-за одного тестостеронового всплеска всё рушить?

Глаза наполнились предательской влагой. От бессилия. Мой отец, единственный человек, который должен был встать стеной, сейчас оправдывал того, кто сломал его дочь. Тестостероновый всплеск. Так он это называет.

— Он прислал цветы, — продолжал папа, но уже мягче. — Он извиняется. Говорит, что превратился в животное и

ненавидит себя. Он готов на всё, чтобы ты вернулась. Любимая моя, послушай старого отца. Все мы не без греха. Но если человек раскаивается, если он любит... разве это не главное?

Любовь? Разве любовь оправдывает насилие? Разве любовь должна быть связана со страхом?

Я молчала. Смотрела на Катю. Она сжала губы, её глаза говорили всё, что я и так знала.

— Папа, он не раскаивается. Он приказал мне удалить фото синяка. Он не жалеет о содеянном. Он боится улик.

Пауза затянулась.

— Ну... может, он просто испугался, что натворил, — наконец произнёс он, и в его голосе впервые проскользнула неуверенность. Но тут же добавил: — Но ты подумай, Ада. Развод... это клеймо. На тебе, на нём, на семье. А что люди скажут? Что скажут в театре? Ты же солистка, у тебя репутация. Скандал может всё разрушить.

Он защищал не меня. Он защищал видимость благополучия. Картину идеальной семьи, которую сам когда-то и благословил.

— Я не могу сейчас говорить, пап. Я перезвоню. Когда смогу.

— Адусь, подожди...

— Я перезвоню. — я положила трубку.

Катя подошла ко мне.

— Ну что? Убедил? — спросила она, её голос был полон

сарказма.

Я покачала головой, чувствуя, как слёзы снова наполняют глаза.

— Он защищает его, — прошептала я, чувствуя, как сердце разрывается. — Считает, что это я во всём виновата. Что это «порыв страсти», а не преступление.

Катя обняла меня, её руки были тёплыми и крепкими. Я прижалась к ней, чувствуя, как её тепло проникает в меня, как её поддержка даёт силы.

— Ты не одна, — сказала она. — Я с тобой.

Я кивнула, чувствуя, как её слова проникают в моё сердце.

Прошло несколько часов с тех пор, как я положила трубку телефона после разговора с отцом. Мы с Катей сидели на кухне, перед нами стояли две остывшие чашки чая. Сумрачный вечер за окном постепенно сгушался в полночь.

Я перебирала салфетку, разрывая её на тонкие полоски. Катя курила у открытой форточки, стряхивая пепел в стеклянную пепельницу. Дым завивался кольцами и медленно растворялся в прохладном воздухе.

— Он не сдастся, — наконец произнесла Катя, не отрывая взгляда от темнеющего неба за окном. — Арсений не из тех, кто просто отпускает. Особенно когда считает тебя своей собственностью.

Я кивнула, чувствуя знакомый холодок под ложечкой. Собственность. Именно это слово всё чаще приходило на ум.

— Папа говорит, он в отчаянии, — тихо проговорила я.

— Что он «рвёт на себе волосы».

Катя повернулась ко мне.

— Ты веришь этому? Веришь, что эта... буря ярости в нём сменилась раскаянием за какие-то часы?

Я молчала. Не верила.

— Он не раскаивается, Ада. Он зол. Зол, что ты посмела выйти из-под контроля, что ты сбежала. И сейчас он не ищет прощения. Он ищет способ вернуть тебя обратно под себя. Или наказать.

— Что мне делать?

— Держать дверь закрытой. Думать. Искать выход, — Катя потушила бычок и открыла пошире окно, чтобы проветрить.

И именно в этот момент раздался звонок домофона.

Катя первой сорвалась с места, подошла к видеодомофону. На маленьком экране чётко вырисовывалось лицо Арса.

— Не открывай, — её шёпот был похож на шипение. — Слышишь меня? Ни в коем случае.

— Ада! — он кричал так, что его было слышно через открытую форточку на кухне. — Я знаю, что ты там! Открой!

Глава 16

Мои ноги стали ватными. Сердце от страха стучало где-то в пятках. Смелая Катя подошла к окну.

— Уходи, Арсений! Она с тобой не хочет разговаривать!
— выкрикнула она в окно и быстро вернулась ко мне.

Наступила пауза. И потом — удар. Глухой, тяжёлый удар кулаком по двери парадной. Мне казалось, что весь дом вздрогнул.

— Ада! Ты слышишь меня?! — крик стал громче. — Я пришёл извиняться! Цветы принёс! Ты что, совсем спятила?! Открывай немедленно!

— Он не уйдёт, — выдохнула я.

Не прошло и минуты, как снизу, с улицы, донёсся звук — хруст, звон бьющегося стекла. Мы бросились к окну на кухне.

Внизу, в жёлтом круге света от фонаря, стоял он. Букет алых роз был раздавлен у его ног, лепестки, как капли крови, размазаны по асфальту. Мы точно не разобрались, что именно он разбил, но по осколкам и лужице на земле можно было догадаться: видимо, прихватил с собой бутылку вина в надежде на примирение. В руке Арсений держал телефон, судя по нескончаемому звонку моего аппарата — он пытался до меня дозвониться. Он смотрел вверх. Прямо на наше тёмное окно.

Его взгляд снизу пробивал стекло и темноту комнаты. Я отшатнулась от окна, спрятавшись в складках шторы.

Он не двигался. Свет фонаря отбрасывал на его лицо жёсткие тени, превращая знакомые черты в маску незнакомца.

На моём телефоне вспыхнул экран. В этот раз он уже не звонил, а прислал сообщение. Одно. Потом второе. Третье.

Я не стала смотреть. Знала, что там. То же самое, что и прежде: манипуляции, гнев, замаскированный под раскаяние. «Извини», «вернись», «давай поговорим». Слова, которые перестали что-либо значить.

Катя осторожно выглянула из-за угла дивана.

— Может, ментов вызвать? — прошептала Катя. — Пусть умирят клоуна.

— А что они сделают? Приедут, скажут «успокойтесь, гражданин», и уедут. А завтра он будет здесь снова. Злее.

Внизу Арсений наконец пошевелился. Резким движением пнул раздавленные розы. Алые лепестки взметнулись в воздух и медленно опустились на грязный снег. Он посмотрел на окно последний раз. Долгим, тяжёлым взглядом, полным немого обещания: «Это не конец». Потом развернулся и зашагал прочь, растворившись в темноте между домами.

Только когда его фигуры не стало видно, я позволила себе сделать первый глубокий вдох.

— Всё, — сказала Катя тихо, но не в смысле «всё конечно», а в смысле «хватит, точка».

— Это только начало, — поправила я её, глядя на тёмное пятно на асфальте, где минуту назад стоял человек, которого я когда-то любила. — Он не отступит просто так. Для него я теперь не жена, а территория, которую нужно отвоевать.

На кухне зашипел забытый чайник. Быт напоминал о себе, требуя вернуться к нормальности, которой больше не существовало. Я стояла посреди своей гостиной и понимала: эти стены больше не защищают. Дверь с новым замком — не защищает. Закон — не защищает. Защищает только расстояние. Как хорошо, что у меня скоро гастроли. Надо сейчас полностью погрузиться в работу.

— Я пока поживу у тебя, — сказала она. — Всё равно с мужем развожусь, а снимать жильё пока не хочется. Так тебе будет не так страшно одной.

Её слова стали для меня настоящим спасательным кругом. Я искренне обрадовалась такому предложению. Взглянув на тёмное окно, за которым простирался безмолвный ночной город, я кивнула в ответ.

Наступило следующее утро. Я лежала на диване, укрытая пледом до подбородка, и пыталась понять, какая часть меня сейчас болит больше всего. Голова? Горло? Или, может, эта странная пустота под рёбрами, там, где раньше жила уверенность, что ты замужем за любимым мужчиной, а не за петлёй на своей шее?

Катя хлопотала на кухне. Я слышала шипение тостера,

лязг чашек, запах свежего кофе.

Мой телефон лежал на журнальном столике экраном вниз. Я выключила звук, но не смогла заставить себя отключить его совсем.

Он звонил. Конечно, звонил. Ночью, на рассвете, сейчас. Сначала просто звонки, которые я сбрасывала одним движением пальца. Он, видимо, наивно полагал, что я «остыну», «одумаюсь» и возьму трубку. Я не брала.

Затем пошли сообщения. Сначала гневные, усыпанные матом:

«Ты вообще в себе? Соскочила с катушек?»

«Что за детский сад, блять? Давай поговорим как взрослые люди!»

«Ты меня в позу ставишь, Ада! Меня! Ты понимаешь?!»

Потом тон сменился. Стал жалобным, виновато-сопливым, пытающимся быть раскаянным:

«Адочка, прости. Я сорвался. Но ты же сама понимаешь, я переживаю! Люблю же!»

«Давай забудем эту ночь как страшный сон. Впусти меня, я всё объясню».

«Цветы новые купил. Твои любимые, белые розы. Давай начнём сначала».

Каждый новый текст заставлял меня чувствовать омерзение перед этой дешёвой театральностью. Перед этой уверенностью, что достаточно бросить пару ласковых слов, как собаке, и всё вернётся на круги своя. Он не понимал. Не хотел

понимать. Что после всего того, что случилось, в нашей общей истории можно было ставить жирную точку.

В дверь постучали. Я вздрогнула. Катя выглянула из кухни, встретилась со мной взглядом, пошла открывать. Через секунду в гостиную осторожно вошла наша соседка снизу, баба Глаша. В руках у неё была тарелка с пышками.

— Девочки, я, может, не вовремя... — начала она, но её взгляд, полный неподдельного беспокойства, говорил сам за себя. Она слышала. Все слышали.

— Ничего страшного, Галина Петровна, проходите, — Катя взяла на себя роль хозяйки. — Кофе будете?

— Давай, но я ненадолго.

Баба Глаша поставила тарелку на стол, её пальцы, испещрённые венами, нервно перебирали край фартука. Она посмотрела прямо на меня.

— Адочка, милая... Я всё слышала, что вчера было. Под окнами-то.

Меня бросило в жар. Стыд, острый и жгучий, вспыхнул на щеках алым цветом. Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

— Муж твой, говоришь? — спросила она тихо.

— Бывший. Скоро будет бывшим.

Баба Глаша покачала головой, и в её мудрых, навывкате глазах читалось бездонное усталое понимание. Не первая. Не последняя.

— Знаю я таких, — вздохнула она. — Любят они, словно

цепями. Больно любят. Ты смотри, девочка, не поддавайся. Слова у них сладкие, а за словами — кулаки да запоры на двери.

Она потрепала меня по плечу тёплой, шершавой ладонью.
— Пирожков поешь. Силы береги. А если что — стучаться буду, чтоб знала: не одна.

Мы провели некоторое время вместе, вспоминая прошедшие годы и рассказывая о своей жизни, после чего баба Глаша ушла.

В оставшиеся до моего выхода на работу дни Арсений не подавал признаков жизни. Ни звонка, ни сообщения. Куда он пропал? Меня это уже не волновало. Или я себя в этом убеждала.

Глава 17

Воздух в балетном классе пах старым деревом, пылью и потом. Музыка резала уши, фортепиано билось в агонии. Я полностью отдала себя работе. Пуанты впивались в пол, мышцы горели очищающим огнём. Здесь, среди скрипа репетиционного линолеума и резких окриков концертмейстера, можно было на время забыть. Забыть про лес, про его руки, про всех гипотетических женщин.

— Соколова! Вы что, спите? Чётче! — рёв хореографа, Дмитрия Сергеевича, хлестнул меня.

Я вздрогнула, сбилась с ритма. В зеркале поймала чей-то взгляд. Милана. Первая солистка. Искусственная блондинка с ледяными голубыми глазами и губами, которые всегда были поджаты в полупрезрительной усмешке. Она стояла у станка, идеально вытянув носок, и смотрела не на своё отражение, а на меня.

Мы ненавидели друг друга молча, с самого училища. Она была техничной, красивой, как фарфоровая кукла. А я... как говорила Мария Витальевна, у меня был «невыносимый темперамент, который надо обуздать».

Она медленно, с изящной небрежностью, провела ладонью по своему бедру, смахивая невидимую пылинку, и её губы растянулись в тонкую, ядовитую улыбку. Она что-то прошептала стоявшей рядом девчонке. Та хихикнула, бросив на

меня быстрый взгляд исподлобья.

Перерыв. Я поплелась к своему месту у стены, хватая бутылку с водой. Милана прошла мимо так близко, что её костлявое плечо толкнуло моё. Больно.

— Ой, извини, — сказала она без единой нотки сожаления. — Не заметила. Наверное, ослепла от твоей... яркости. Или это синяки под глазами такие выразительные? Не выспалась, Ариадна? Муж не давал? Или давал, но не так, как хотелось?

Она улыбнулась во весь свой белоснежный, дорогой голливудский рот.

— Иди на хуй, Милана.

— Ой, как грубо, — она притворно надула губки. — А я просто беспокоюсь. Видела, как тебя у театра встречали после спектакля. Цветы, машина... Браво. Настоящая аристократка.

Она повернулась и поплыла прочь, её спина была до неприличия прямой, а тонкая шея казалась неестественно длинной и хрупкой. Я сжала бутылку. Пластик затрещал, вода брызнула на пол.

Вторая часть репетиции прошла как в тумане. Я выкладывалась так, что к концу в глазах потемнело, а в лёгких горело. Дмитрий Сергеевич только кивнул: «Ну вот, Соколова, наконец-то проснулась».

Репетиция закончилась всеобщим стоном облегчения. Тепло гудело, как раскалённый провод.

Когда все поплелись в душ, я, накинув сверху тренировочное платье, вытерла пот с шеи полотенцем и направилась к кабинету Марии Витальевны. В руке у меня было заявление об отсутствии за свой счёт. Нужно было хоть как-то оформить эту передышку.

Коридор у администрации был пуст. Из-под двери кабинета худрука доносились приглушённые голоса. Женский, резкий — Мария Витальевна. И мужской. Низкий, бархатный.

О Боже, я узнаю этот голос из тысячи. Это был Арсений.

Кровь отхлынула от лица. Я замерла в двух шагах от двери.

— ...понимаю ваши сомнения, Мария Витальевна, — говорил он. Звук был чётким, дверь была приоткрыта на сантиметр. — Я хочу проинвестировать новый балет. «Лебединое озеро» — это классика, да. Но зритель хочет новое. Страсть. Современную хореографию. Я готов частично профинансировать костюмы, декорации. Бюджет... обсудим. Он будет внушительным, я обещаю.

Тишина. Потом голос Марии Витальевны:

— Арсений Валерьевич, ваша щедрость, как всегда, поражает. И концепция... заманчива. Но ведущая солистка... Ариадна Соколова. Вы уверены? У неё сейчас... не лучший период. Она в последнее время как будто занята не тем. А вот Милана Маркова...

— Милана — это не то, — мягко, но неоспоримо перебил он. — Ариадна — душа. В этом новом балете должна быть

дикая, необузданная энергия. Почти животная. Та, что у неё в крови. Я в неё верю. Более того, — он сделал паузу, и я представила, как он наклоняется вперёд, вкладывая в слова интимную значимость, — я готов сделать это условием финансирования. Ариадна — прима. Иначе проект теряет для меня смысл. Это будет мой подарок. Ей. И театру.

Я стояла, прижавшись спиной к холодной стене. Он покупал меня. Прямо здесь, в кабинете худрука. Он покупал мне роль, покупал лояльность театра, покупал мою жизнь обратно. «Подарок».

Дальше я не думала. Действовала. Я со всей силой толкнула дверь обеими руками. Та с грохотом распахнулась, ударившись о стену.

Два лица повернулись ко мне. Мария Витальевна была за своим массивным столом, увидев меня, её брови взлетели к потолку. И естественно, он. Арсений. Сидел в кожаном кресле, развалившись, как хозяин. В идеальном тёмно-сером костюме, с белоснежным воротничком рубашки. Он обернулся неспешно, и его серые, холодные, как сталь, глаза встретились с моими. В них не было ни удивления, ни смущения.

— Ариадна! Что это значит?! — взвизгнула Мария Витальевна.

— Это значит, что я всё слышала, — я шагнула в кабинет, бросила смятое заявление на стол. — И мой ответ — нет.

Арсений не шелохнулся. Только уголок его рта дёрнулся в намёке на улыбку.

— Ада, дорогая, мы как раз обсуждали...

— Я не твоя «дорогая»! И я не хочу твоих подарков! Твоих денег! Твоей опеки! Понимаешь? Отстань от меня!

Мария Витальевна вскочила:

— Соколова, ты с ума сошла! Ты что здесь устроила?!

Арсений медленно поднялся.

— Ариадна, успокойся. Не истери. Я пытаюсь тебе помочь. Вернуть тебе то, что ты любишь.

— Ты пытаешься меня купить! Я не вещь! И я не буду танцевать в твоём проклятом балете! Если ты настоишь, я уйду из труппы! Слышишь? УЙДУ!

— Ты не уйдёшь, — проговорил он почти беззвучно. Я разобрала слова лишь по губам. — Потому что это единственное, что ты умеешь. Ты — балерина. В этом ты великолепна. Я хочу, чтобы ты опять это почувствовала.

— Да пошёл ты, — прошипела я, трясаясь всем телом.

Он вздохнул, с преувеличенной грустью покачал головой и посмотрел на Марию Витальевну.

— Видите, о чём я говорил? Эмоциональное выгорание. Я надеюсь, вы примете верное решение, Мария Витальевна. Для театра. И для Ариадны.

Он кивнул и вышел, не удостоив меня больше взглядом. Дверь за ним закрылась.

— Уйди, Соколова. И подумай. Очень хорошо подумай. О своей карьере. Потому что завтра я жду твой ответ. И он должен быть правильным.

Я выбежала из кабинета, не помня себя.

Раздевалка была почти пуста. Только в дальнем углу, у своего зеркала, возилась Милана, снимая пачку.

Я подошла к шкафчику и начала лихорадочно метать вещи в сумку. Руки дрожали и не слушались. Задела открытую косметичку, та с грохотом рухнула на пол, рассыпав содержимое по всей раздевалке. Наклонившись, чтобы собрать разбросанные предметы, я вдруг заметила ту самую злосчастную третью серёжку. Видимо, сунула её в косметичку в суматохе, когда перед побегом хватала всё подряд.

Я застыла, смотря на неё. Услышала, как ко мне подходит Милана. Она наклонилась. Её длинные, с безупречным френчем пальцы схватили серёжку с пола быстрым, как удар змеи, движением. Подняла к свету, покрутила.

— Опа, — просипела она. — Нашлась, сучка. А я уж думала, навсегда потеряла.

Глава 18

Мир вокруг на секунду схлопнулся.

— Что? — вырвалось у меня.

— Моя серёжка, — сказала Милана, не отрывая от неё взгляда. — Одна из пары. Я их обожала. И потеряла... даже не помню где. Где нашла-то, Ариадна? У нас в раздевалке? Или... — она сделала паузу, её взгляд скользнул по моему лицу, выискивая что-то, — ...или где-то ещё? Может, у тебя дома?

Я не могла дышать. Она лгала. Как бы мне хотелось, чтобы она лгала.

— Это не твоя, — выдавила я.

— А чья же?

Она сделала шаг ко мне, держа серёжку между большим и указательным пальцами, как улику.

До меня дошло так резко, что аж в глазах потемнело. «Трахает меня на твоей кровати». Женский голос в трубке... Неужели это она?

— Ты... — прошептала я.

Её улыбка стала шире, откровеннее. В ней появилось что-то неприкрыто-злое, торжествующее.

— Я что, Ариадна? Я просто спрашиваю, где ты нашла мою вещь.

— Ты что, была у меня дома?

— Я? Да я заходила, милая. Нужно было срочно Арсению Валерьевичу отдать какие-то документы из театра. Он же наш главный спонсор. Помню, как сейчас. Вы тогда в Японию укатили на гастроли, куда меня почему-то не взяли. Странно, да? Хотя почему же странно, это он же посодествовал, чтоб мою роль тебе отдали.

Она покрутила серёжку в руке.

— Он открыл дверь... такой уставший. Говорил, что очень скучает. Провёл в гостиную, предложил чаю. А потом... — её губы растянулись в вульгарной, самодовольной улыбке. — Потом пошли совсем другие напитки. Он разоткровенничался. Сказал, что устал от твоих вечных гастролей. Что ты больше любишь свой танец, чем его. А он... он живой человек. Ему нужно тепло. Нужна ласка. И я... я пожалела его. Или он меня? Уже не важно.

Я стояла, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

— Ему было так одиноко на том огромном диване, — продолжала Милана, её голос стал томным, будто она вспоминала самый приятный момент в жизни. — Я просто села рядом, чтобы утешить. А он... он взял моё лицо в ладони и сказал: «Ты такая настоящая». А потом его губы были на моих. И мы долго и страстно целовались. А потом... мы были уже в вашей спальне. Он срывал с меня одежду, и в его глазах была такая... дикая, ненасытная жажда. Голод по живому, горячему телу, которое не отстраняется, не думает о репетиции, а просто... хочет его.

Она вздохнула, притворно смущённо опустив глаза.

— Надо же, а я совсем не помню, когда её там обронила. Мы искали потом, но не нашли. Думали, закатилась куда-то. — Она посмотрела на меня с фальшивым сочувствием. — Я, конечно, звонила тебе недавно. Не могла больше молчать. Мне казалось несправедливым, что ты живёшь в неведении нашего романа. Но когда Арсений узнал... он пришёл в ярость. Сказал, что я всё испортила, что разрушила его «хрупкое счастье». Прервал всё. Запретил подходить и звонить. — Её лицо исказила гримаса обиды, но тут же сменилась хищным огоньком. — Но ничего. Скоро ты снова уедешь. Или он тебя, наконец, выгонит. А он будет снова одинок и несчастен. И я снова приду. Пожалею. И на этот раз... на этот раз он не сможет от меня отказаться. Потому что я даю ему то, чего не дашь ты — полное, безоговорочное обожание. И отсутствие глупых вопросов.

Милана тем временем уже повернулась к своему зеркалу. Она лениво поправляла волосы.

— Не держи зла, Ариадна. Мужчины — они такие. Им нужна не муза, а живая, влажная и благодарная... плоть. Особенно когда их законная половина далеко и больше занята своими па-де-баскет, чем их потребностями. — Она бросила серёжку в свою косметичку. Звякнуло. — Была рада поболтать по душам. Буду стараться не задеть тебя ногой, когда ты будешь ползать у моих ног в новой постановке. Той самой, которую оплатит твой муж. Для меня.

Я видела, как она удовлетворённо усмехается в зеркале, глядя на моё побелевшее лицо.

Тишину разрывали только удары моего сердца и её лёгкое, самодовольное сопение. Она потянулась за тушью. И начала поправлять макияж.

Я не думала. Тело среагировало само.

С тихим, звериным рыком я рванулась вперёд. Моя рука впилась в её идеально уложенные волосы и с силой дёрнула на себя.

— А-а-аргх! — Милана взвыла от неожиданности и боли, откинувшись назад. Она дёрнула рукой и угодила кисточкой от туши прямо себе в глаз.

— Сука! Ты чего, очумела?! — она начала крутиться, пытаясь вырваться, смогла повернуться. Её ногти впились мне в руку, пытаясь оторвать её от своих волос, царапая кожу до крови. Боль была острой, но она только добавила ярости.

— Молчи, шлюха! — прошипела я, отталкивая её к стене обеими руками. Её глаза, секунду назад полные триумфа, округлились от ужаса. — Трахнула моего мужа в моей постели? Звонила мне, травила? Получи!

Я с силой вlepила ей пощёчину. Она завизжала.

— Я тебе всё лицо исцарапаю, мразь! — выла Милана. Она рванулась в сторону, схватив меня за плечи, мы вместе рухнули на скользкий кафель. Удар об пол вышиб воздух у нас обоих. Мы катались по полу, царапаясь, дёргаясь, пытаясь друг друга придушить. С моей щеки текла кровь — она

успела провести ногтем. Я в ответ вцепилась ей в мочку уха и дёрнула.

— А-а-а! Отстань, психопатка!

— Сама психопатка!

Мы были похожи на двух дерущихся кошек — грязных, разъярённых, без капли грации, за которую так цеплялись на сцене. Я занесла руку, чтобы ударить, но тут дверь в раздевалку с грохотом распахнулась, ударившись о стену.

На пороге, залитая светом из коридора, стояла Мария Витальевна. Она, обычно собранная и строгая, сейчас была просто в ярости. Замерла на секунду, окидывая взглядом сцену.

— ЧТО ЭТО?! — её крик был таким оглушительным, что мы обе замерли. — ВСТАТЬ! СИЮ ЖЕ СЕКУНДУ!

Мы разлепились, как два пойманных на драке школьника, и поднялись, пошатываясь. Дышали, как загнанные лошади. У Миланы из носа текла кровь, тушь была размазана по всему лицу. У меня губа распухла, а на руке зияли красные царапины.

Мария Витальевна подошла вплотную к нам.

— Вы с ума посходили?! Что за бои без правил вы тут устроили?! Вы знаете, что завтра гастроли в Нижний начинаются? Вы в афишах! Вас ждёт зал! А вы что делаете? Выясняете, чья киска слаще?! — Она ткнула пальцем в мою грудь, потом в Милану. — Если вы тут друг другу глаза выцарапаете, кто танцевать будет, а? КОРОВЫ ГЛУПЫЕ! Вы — лицо

театра! А ведёте себя как последние алкашки в пивной!

Она задыхалась от злости.

— Всё. По домам. Сейчас. Приводите себя в божеский вид. И если у кого-то из вас завтра будет хоть один синяк, который нельзя скрыть гримом, я лично сломаю вам ноги. И танцевать вы будете на костылях! ПОНЯТНО?!

Мы молча кивнули, не в силах вымолвить ни слова. Мария Витальевна, плюнув от отвращения, развернулась и вышла, хлопнув дверью так, что с потолка посыпалась штукатурка.

В раздевалке воцарилась тишина, нарушаемая только нашим тяжёлым дыханием. Милана первой пошевелилась. Она подошла к зеркалу, смотря на своё окровавленное отражение. Потом медленно повернулась ко мне. В её глазах была холодная, обещающая месть ненависть.

— Драться, как последняя тварь, — просипела она, вытирая кровь дрожащей рукой. — Опустилась совсем, Ариадна. Арсений будет в восторге, когда узнает, во что ты превратилась.

Она быстро собрала свои вещи и пошла к двери, прихрамывая. На пороге обернулась.

— Завтра на сцене попробуй только косо на меня посмотреть. Я сделаю так, что ты упадёшь и больше не встанешь. Запомни это.

Глава 19

Морозный воздух ворвался в лёгкие острыми иглами, когда я открыла дверь машины. Вышла из такси у своего дома на Петроградке. Два часа ночи. Улица была пустынна. Я заплатила водителю, не взяла сдачу. Холод немедленно впился в кожу сквозь тонкое шерстяное пальто. Подарок Арсения, итальянское, бежевое, «чтобы ты была самой модной».

Поднялась на свой этаж и быстро открыла входную дверь. Я бросила сумку на пол. Она шлёпнулась о паркет, рассыпав по полу капли талого снега. Прислонилась к закрытой двери спиной. Закрыла глаза.

Тишина.

Только стук сердца в ушах. И боль. Ноющая, дёргающая боль в скуле, где ноготь Миланы оставил свой автограф. Я дотронулась до неё подушечками пальцев. Кожа была горячей, воспалённой, под ней пульсировало. Я провела языком по внутренней стороне щеки, там тоже была ранка.

Я открыла глаза. В прихожей царил полумрак, только свет уличного фонаря пробивался сквозь занавеску, разрезая пространство на косые полосы. На вешалке висело Катино пальто, но её дома не было. На полке — фотография нас с папой на моём выпускном, мы смеёмся. Наш с Арсением мир с его идеальным порядком остался там, в той квартире с высокими потолками. Здесь всё было иначе.

Я достала свой телефон из сумки. Прочитала контакты. Нашла его имя.

«Муж».

Ирония обожгла изнутри. Я горько усмехнулась в тишину. Потом нажала на вызов.

Звонок пошёл. Один гудок. Два. На втором он взял трубку. Арсений не говорил ни «алло», ни «привет». Просто тишина в ожидании. Он знал, что это я, и молчал.

Я сделала глубокий вдох.

— Я поговорила с Миланой, — выпалила я, не давая ему начать, не давая себе передумать. — Она всё рассказала. Как ты скучал. Как она тебя «согревала». На нашей кровати. Пока я была в Японии. Это правда?

Пауза.

Не долгая. Ровно столько, чтобы взвесить варианты ответа. Я слышала его дыхание. Где-то на заднем плане доносились приглушённые звуки джаза. «The Blue Note». Его любимый альбом. Он слушал музыку, пока я дралась в раздевалке с его любовницей.

— Ариадна, — наконец произнёс он. Голос был усталым, как у человека, который в сотый раз объясняет очевидное нерадивому ребёнку. — Что за истерика? Она тебе что наговорила? Эта девушка... — он сделал небольшую паузу, будто подбирал слово, — у неё проблемы с психикой. Видимо, её съедает ревность. Она готова на любую ложь, лишь бы сделать тебе больно.

— Уж больно складно она говорила, Арсений! — голос сорвался, стал выше, пронзительнее. — Она практически в деталях описала нашу квартиру. Как ты можешь всё отрицать?! Милана была у нас! И явно не я её приглашала!

— Да, она была у нас дома! — его голос вдруг вспыхнул раздражением, но он тут же взял себя в руки, понизил тон. — Один раз. Принесла документы из театра. Ты тогда была на гастролях. Я предложил чай. Она начала рассказывать о себе, о том, как ей тяжело даётся карьера, ей было обидно, что её не взяли на гастролы, и... расплакалась. Я попытался утешить. Я чуть приобнял её за плечи, Ада. Чисто по-дружески. Не более. Вот и всё. Наверное, она что-то себе придумала, фантазирует.

— Арсений, это она тогда мне звонила!

— Ты снова готова поверить кому угодно, но только не мне?

— Приобнял, говоришь... А потом проводил в постель?

— Никакой постели не было! Она ушла через двадцать минут. И я больше её не видел. — Арсений сделал эффектную паузу, давая словам осесть. — А теперь слушай меня внимательно. Мне звонила Мария Витальевна. Ты нанесла Милане телесные повреждения. Я уже говорил с нашим юристом. Это уголовно наказуемо. Статья 116. Она может подать заявление. И она подаст, если ты не успокоишься. Особенно после твоего... спектакля в раздевалке. Ты поняла? Ты влипла в историю, а я пытаюсь тебя вытащить!

Он перекладывал вину. Вот так. Мастерски, как шахматист, делающий виртуозный ход.

— Вытащить? Ещё скажи, что мне придётся извиниться перед ней после рассказа о том, как она ебётся с моим мужем? Нет, Арсений. Даже не думай.

В трубке воцарилась тишина. Даже джаз замолчал. Он выключил музыку.

— Об этом поговорим позже. Сейчас соберись. У тебя завтра... нет, уже сегодня, гастроли. Самолёт в девять утра. Я всё решу с Миланой. Успокойся. Выспись. Я позвоню тебе перед вылетом.

Щёлк. Гудки.

Арсений бросил трубку. Он снова всё перевернул. В животе скрутило от тошноты. Я побрела в ванную, уткнулась лицом в ладони, полные ледяной воды. Потом выпрямилась, посмотрела на своё отражение в зеркале. Серые глаза, огромные на бледном лице. Растрёпанные волосы. И эта зияющая, пурпурная отметина на скуле — печать сегодняшнего вечера.

«Не плачь, — сказала я отражению. — Не смей плакать».

Резкий звук захлопнувшейся входной двери заставил вздрогнуть.

Глава 20

— Ада, ты дома?

Это была Катя. Её шаги приблизились, замерли на пороге.

— Божечки... Детка, что с тобой? Кто это тебя?..

Она не договорила, просто обняла. И я разревелась. Прямо у неё на плече. Выложила всё. Про раздевалку, про слова Миланы, про его враньё, про угрозу статьей.

— Сволочи. Оба. И муженёк твой, и проститутка эта низкопробная. Боже... Какой же он всё-таки мерзотный, расчётливый ублюдок.

Она потащила меня на кухню, поставила чайник. А я сидела на стуле и смотрела в одну точку.

— И что теперь? — спросила Катя, ставя передо мной кружку. — Собираешься простить? Проглотишь?

— Нет, — ответила я слишком быстро, резко. — Но я уезжаю. На гастроли. Нахуй отсюда. В Нижний Новгород. Две недели минимум. А дальше видно будет.

— Правильно, — Катя кивнула. — Сваливай. Оттанцуй всё это на сцене. Выплесни. А я тем временем... поговорю с кое-кем. Помнишь, я тебе говорила про того красавца-адвоката? Так вот, у его лучшего друга как раз практика по бракоразводным с подлыми мудаками.

Я молчала и с огромной любовью и благодарностью смотрела на свою лучшую подругу. Моя Катя. Мы дружим с первого класса. Она видела меня в самых жалких состояниях: с температурой сорок, с разбитым сердцем после первого предательства, с похмельем после выпускного. И вот мой очередной провал. И она снова здесь.

— Спасибо тебе за поддержку.

— Заткнись, — она махнула рукой. — Ещё ничего не сделали. Кстати... Твой папа звонил.

— Точно, у папы же скоро день рождения! — я на мгновение забыла обо всём. — Я обещала быть, но, чёрт, опять пропущу его праздник.

— Ада, послушай, — Катя села рядом со мной. — Может, стоит всё-таки рассказать папе? Он имеет право знать правду.

— Нет, — я покачала головой. — Пока не стоит. Он слишком переживает за меня. Пусть это останется между нами.

— Хорошо, — Катя обняла меня. — Но помни: ты не одна. Что бы ни случилось, я рядом.

— Знаю, — я прижалась к подруге. — Спасибо тебе.

— Не за что. А теперь давай собираться. Тебе нужно отдохнуть перед вылетом. И помни: мы со всем справимся. Отрежем Арсению все причиндалы секатором, если будет нужно!

— Спасибо тебе за всё. — я слабо улыбнулась.

— Глупости. Мы же подруги. А подруги всегда поддерживают друг друга, — Катя улыбнулась в ответ.

Я поднялась, пошла в маленькую спальню, включила свет. Комната была такой же, как и три года назад, до замужества. Узкая кровать. Книжная полка, забитая старыми романами и сборниками стихов. Постер «Унесённых призраками» над кроватью. На тумбочке — фотография мамы. Она улыбалась, молодая, красивая, с сине-серыми глазами, которые я унаследовала.

Я откашлялась, промокнула глаза салфеткой, стараясь дышать ровно.

Набрала номер папы. Он снял на первом гудке.

— Доченька? Ты цела?

— Цела, пап. Прости, что заставила волноваться. Я... я не специально.

— Да брось ты, — он махнул рукой, я слышала этот жест по телефону. — Я просто звонил тебе, а ты не брала трубку, волновался. У тебя всё в порядке? Ты помнишь, что у меня день рождения скоро? Я очень бы хотел тебя видеть! Посидим все вместе по-семейному.

— Папочка, мне очень жаль, но я уезжаю. На гастроли. Утром.

— Ну ничего страшного! Карьера превыше всего! Слушай... о дне рождения не думай. Это ерунда. Мы потом, когда ты вернёшься, отпразднуем вдвойне. Лика пирогов напечёт. Ты её малиновый любишь? — Он говорил быстро, перескакивая с темы на тему, лишь бы заполнить паузу. — Ты просто... помни: что бы ни случилось, твой дом здесь. Все-

гда. Поняла?

— Поняла, пап.

— И Ада... — его голос стал очень тихим, почти шёпотом.
— Ты сильная. Сильнее, чем думаешь. Не давай никому сломать себя. Ни-ко-му.

После его слов стало чуть легче. И в тысячу раз больнее. Потому что я снова его подводила. Вечно где-то далеко, вечно в разъездах, вечно «пап, я не могу, у меня репетиция, гастроли, спектакль». А он ждал. И старел.

Я скинула трубку, положила телефон на стол. Я смотрела на экран, но тишина давила. Арсений даже не написал. Ни «где ты», ни «давай поговорим». Ничего.

Я легла на кровать, не раздеваясь. Лёжа на спине, смотрела в потолок. Тело ныло от усталости, от адреналина, который теперь уходил, оставляя после себя пустоту и дрожь в коленях. Скула пульсировала. Приложила к ней холодную ладонь.

Полгода, думала я, глядя в потолок. Полгода назад были гастроли в Токио. Присылала ему фотографии сакуры. Он писал: «Скучаю ужасно. Возвращайся скорее». А в это вре-

мя... в это время она была в нашей постели. Возможно, в ту самую минуту, когда я фотографировала храм в Киото, он водил пальцами по её спине.

Я зажмурилась, но картинки лезли в голову сами. Его руки на чужой коже. Его губы на чужих губах. Его низкий смех, который я считала только своим.

«Нет, — прошептала я в темноту. — Нет, нет, нет».

Но отрицание уже не работало. Оно разбилось о голос Миланы в раздевалке, о её глаза, полные ненависти и торжества. О её слова: «Он любит, когда я ору, а ты, наверное, тихая?»

Я встала, подошла к окну, раздвинула шторы. На улице было темно. Шёл снег. Редкий, ленивый, кружащийся в свете фонарей. Где-то там, в этом городе, была она. И он. Возможно, вместе. Возможно, он уже был у неё, «улаживал» ситуацию. Угрожал. Лгал.

«Ты сильная, — повторила я про себя папины слова. — Сильнее, чем думаешь».

Я вернулась к кровати, скинула тапочки, юбку, блузку. Надела старую, растянутую футболку и спортивные штаны. Легла. Выключила свет.

Темнота накрыла с головой. Я лежала и думала о завтрашнем дне. О самолёте. О гастролях. О сцене. О том, как нужно будет улыбаться, кланяться, изображать лёгкость, когда внутри будет зиять пустота, полная осколков.

Сон не шёл. Я ворочалась, пыталась найти позу, в которой боль утихнет. Потом просто легла на спину, уставившись в потолок, и начала считать. Не овец. А пируэты. Тридцать два фуэте из «Лебединого озера». Одно. Два. Три... На семнадцатом я провалилась в беспокойный, отрывистый сон, полный теней и чужих голосов.

Глава 21

Утро наступило серое и беспощадное. Я проснулась от вибрации телефона — будильник. Пять утра. Голова была тяжёлой, мысли вязкими. Я села на кровати, потянулась — тело отозвалось болью в каждой мышце. Плечи, спина, особенно ноги. После вчерашней репетиции и последующих событий они гудели, как высоковольтные провода.

Я добрела до ванной, включила свет. Зеркало показало мне лицо незнакомки. Бледное, с синевой под глазами, которые казались огромными и пустыми. И синяк. Он расцвёл за ночь. Теперь это было полноценное пятно, переливающееся всеми оттенками фиолетового и жёлтого, от скулы почти до виска. Края были припухшими, кожа — натянутой и горячей.

Я рассматривала его минуту, две. Потом отвернулась. Не стала маскировать тональным кремом. Не стала пытаться скрыть. Пусть видят. Пусть знают, что я не из тех, кто прячет свои раны.

Я быстро умылась, почистила зубы, щадя больную щёку. Оделась в чёрные джинсы, тёмный свитер, удобные сапоги. Собрала волосы в тугий низкий хвост. Надела пальто. Взяла уже собранную с вечера сумку для репетиций. Внутри лежало всё необходимое: пуанты, трико, лосины, мази, пластыри, запасные ленты. Моя жизнь в миниатюре.

Перед выходом зашла к Кате, посмотрела, как она сладко спит. Остановилась у фотографии мамы.

— Всё будет хорошо, — сказала я ей, хотя не верила в это ни на секунду.

Вышла. Спустилась по лестнице. На улице было холодно, снег перестал идти, но ветер гнал по асфальту позёмку, колючую и злую. Я вызвала такси, назвала адрес — «Пулково».

Дорога заняла сорок минут. Я молча смотрела в окно на просыпающийся город. В окнах домов зажигались огни. Люди шли на работу, сонные, закутанные в шарфы. Обычная жизнь, которая для меня вчера закончилась.

В аэропорту было уже шумно. Пахло кофе из «Шоколадницы». Голоса, объявления на двух языках, гул тележек. Я прошла к нашей стойке регистрации, где уже собиралась группа.

И сразу почувствовала.

Это было физическое ощущение, как перепад давления. Взгляды. Пристальные, колючие, как иглы дикобраза. Они скользили по моему лицу, задерживались на синяке, отскакивали, будто обжигаясь. Потом возвращались снова. Шёпот. Тихий, шипящий. Он лился отовсюду: от девочек кордебалета, сбившихся в кучку у стойки; от музыкантов; даже от сурового, всегда молчаливого осветителя Саши, который стоял один в стороне и смотрел на меня тяжёлым, оценивающим взглядом.

Я уловила обрывки. Они долетали до меня будто сквозь

воду — искажённые, но узнаваемые.

— ...вчера дрались, в раздевалке, после репетиции...

— ...Милана врача вызывала, говорят, подозрение на сотрясение...

— ...Ада её чуть не убила... ревнует, наверное...

— ...а Милана-то на гастроли не поехала, её вывели из состава, Мария Витальевна сама...

— ...конечно, кто с такой психопаткой поедет... ещё кого-нибудь прибьёт...

Каждое слово впивалось в кожу, оставляя невидимые, но болезненные уколы. Я опустила голову, сделала вид, что проверяю телефон.

Мария Витальевна, наш худрук, стояла в стороне с папкой бумаг и разговаривала с администратором. Она бросила на меня один взгляд. В нём читалось всё: холодное презрение, раздражение, предупреждение. И расчёт. Всегда расчёт. Я была ценным активом, но сейчас стала проблемой. Она взвешивала, стоит ли актив проблем.

Я отвела глаза, продолжая делать вид, что меня поглотил экран. Но периферией зрения видела, как к стойке подошла Соня. Высокая, тощая брюнетка с вечными подведёнными чёрным глазами. Смоки айз, который она носила и в семь

утра. Подружка Миланы.

Она прошла регистрацию, взяла посадочный талон и направилась прямо ко мне. Не спеша, покачивая бёдрами, с лёгкой улыбкой на тонких губах.

Я не поднимала на неё взгляд, пока она не остановилась в полуметре.

— Ну что, героиня? — начала она, скрестив руки на груди. — Красиво работаешь. Настоящая прима раздевалки. Новое амплуа осваиваем? Боевая балерина?

Я медленно, не торопясь, подняла на неё глаза. Смерила её с головы до ног. Взглядом, который годами оттачивала на сцене, чтобы одним движением глаз передать презрение Одиллии. Соня слегка отступила под этим взглядом, но улыбка не сползла.

— Соня, — сказала я ровно. — У тебя тушь потекла. Иди поправь. Несolidно.

Она моргнула, её рука инстинктивно потянулась к лицу, но она остановила её, сжала в кулак. Улыбка стала напряжённой.

— Ой, какая грубая внезапно. Синяк, видимо, не только на лице, но и на характере отразился.

— Что тебе от меня надо? Отвали по-хорошему. И передай Милане, когда с ней свяжешься, что если ей нужна помощь психолога после вчерашнего... разговора с моим мужем, я могу порекомендовать хорошего специалиста. А теперь отойди. Ты меня бесишь.

Соня открыла рот, чтобы что-то сказать, но только фыркнула, её щёки покрылись нездоровым румянцем. Она что-то буркнула себе под нос — «сама ты психопатка» — и отошла, встряхнув волосами, будто отряхиваясь от грязи.

Я осталась одна посреди гула. Ко мне больше не подходят. Я — изгой.

Объявление посадки прозвучало дважды. Мария Витальевна громко хлопнула в ладоши:

— Пошли, пошли, не копаемся!

Труппа лениво потянулась к гейту. Я подождала, пока почти все пройдут, и пошла последней.

Синяк на лице горит. Пусть горит. Это напоминание о том, что я смогла за себя постоять.

Шагнула в туннель на посадку. Что меня ждёт на гастролях? Как мне возвращаться обратно в этот город, полный лжи и предательства?

Глава 22

На сцене во время спектаклей я улыбалась. Широко, искренне, мою улыбку хвалили даже критики в местных газетах: «Лучезарная улыбка Соколовой». Они же не видели, что творилось со мной за кулисами. Стоило шагнуть в тень, и всё, привет, мои воспоминания набрасывались на меня, как голодные псы. Две недели гастролей в Нижнем прошли как в тумане. Тело работало безупречно: мышцы помнили каждое па, позвоночник гнулся с прежней грацией, кончики пальцев тянулись вверх. А душа... Душа болела больше тела. На каждом спектакле мне чудилось, что в ослепляющей темноте зрительного зала сидит Арсений. Похоже, у меня действительно развивалась паранойя.

Я сорвалась домой на два дня раньше. Солгала про приступ боли в животе, которая будто бы скрутила меня посреди ночи. Мария Витальевна хмурилась, недоверчиво вглядываясь в моё слишком бледное лицо, но отпустила. В каком-то смысле я не врала. Меня действительно скручивало. Каждый день. Каждую ночь. От воспоминаний, от стыда, от яростной, бессильной злости, которая, не находя выхода, грызла меня изнутри.

Но сегодня... сегодня был день, который должен был подарить мне немного радости. Хотя бы на несколько часов. Сегодня моему отцу исполнялось шестьдесят пять.

Знаете это отчаянное чувство, когда хочется хоть что-то исправить, вернуть, сделать правильно? Когда кажется, что один верный, светлый поступок может стать противоводием от всего накопившегося яда? Вот так я и ехала в Солнечное, в папин дом, где прошло моё детство, с дурацкой, наивной надеждой в сердце. В огромной сумке на заднем сиденье лежали пакеты с разными праздничными растяжками и шариками. Похожими на те, что с таким азартом развешивала по всему дому мама. У меня на коленях, как самый ценный груз, покоилась коробка с тортом «Прага». Шоколадный бисквит, толстый слой абрикосового повидла, глазурь и кремовые розочки – папина слабость.

Арсений был уверен, что мой рейс приземлится только завтра утром. Вчера вечером пришло его сообщение: «Скучаю. Встречать? Все вопросы улажены. Не волнуйся». Я не ответила на его сообщения. Просто выключила телефон. А теперь вот ехала делать сюрприз своему отцу, сжавшись в комок на сиденье такси и глядя на мелькающие за окном унылые зимние поля.

Таксист остановил машину у забора. Я вытащила сумку, аккуратно приняла из рук водителя коробку, долго копошилась в кармане, отыскивая связку ключей.

Тихо вошла в прихожую. Из-за двери не доносилось ни музыки, ни звука телевизора. По моим расчётам, папа в это время должен был быть на работе, в своём конструкторском бюро, погружённый в чертежи и расчёты. Лика в эти часы

обычно пропадала в фитнес-клубе, на своей любимой йоге. Всё складывалось идеально. Я мысленно уже видела папино лицо: сначала удивлённое, даже немного недовольное (папа сюрпризы не жаловал), а потом это редкое, такое дорогое для меня смущение и радость в глазах. Мама обожала такие неожиданности, она была их генератором. Может, попытка возродить эту традицию станет маленьким мостиком в то прошлое, где ещё не было лжи, где всё было просто и по-настоящему?

Только я закрыла за собой дверь, как услышала голос.

Приглушённый. Неразборчивый. Доносящийся из глубины дома, из-за закрытых дверей гостиной или спальни. Не могла разобрать. Женский. Ликин.

Я замерла на пороге, всё ещё держа в руках коробку. Чёрт. Ну конечно. Мы планируем, а жизнь всегда вносит свои коррективы. Наверное, тренировку отменили. Или она вернулась раньше. Ладно, пусть. Может, это даже к лучшему. Мы вместе украсим квартиру, она поможет. Лика всё же хозяйка в доме, она знает, где у папы хранятся свечи и праздничная скатерть.

Поставив торт на дубовую тумбочку в прихожей, я осторожно освободила руки. Сапоги сняла, оставив у двери. Надо было предупредить Лику, что я здесь, не напугать её. Я сделала несколько шагов по коридору, к арке, ведущей в гостиную.

Голос раздался снова. Ближе. Теперь я поняла, что он до-

носится точно из спальни.

— ...Милый, нельзя же так, ты с ума сошёл!.. Он может неожиданно...

— Расслабься. Тебе понравится.

Мужской голос. Часть слов не могла разобрать. Но это точно не папа.

Нет. Нет, это невозможно. Это просто игра разума. От нервов, от бессонницы, от постоянного внутреннего напряжения. Может, телевизор? Сотни вариантов промелькнули в голове за долю секунды, пытаюсь найти хоть какое-то логичное, небезумное объяснение. В то, что Лика может изменять папе, не хотелось верить.

Но ноги, будто отделившись от тела, уже несли меня вперёд. Медленно, неслышно, как во сне, где ты не можешь управлять своим движением. Шаг. Ещё шаг. Коридор казался бесконечно длинным. Дверь в спальню была приоткрыта. Всего на пару сантиметров. Щель. За которой скрывалось что-то, на что, я чувствовала, смотреть нельзя. Но я не могла остановиться.

Я подошла вплотную. Мой взгляд уткнулся в узкую полосу света, вырывающуюся из комнаты.

Друзья, спасибо, что читаете! Если история понравилась — не проходите мимо, напишите пару строк в комментариях и поставьте оценку. А чтобы не пропустить продолжение, добавляйте в библиотеку и подписывайтесь на

*страницу автора. Ваша поддержка окрыляет и помогает
писать дальше!*

<https://litnet.com/shrt/4z9p>

Глава 23

Сначала я увидела Ликины волосы. Ярко-рыжие, рассыпавшиеся по светлой подушке. Они были растрёпаны, несколько прядей прилипли к вспотевшему лбу. Потом я увидела её лицо. Глаза закрыты, губы, подкрашенные её любимой яркой помадой, полуоткрыты. На лице было выражение полного блаженства. Она лежала на спине, на лоскутном одеяле, которое много лет назад связала моя мама.

А над ней... Над ней было тело мужчины. Спина. Широкая, мускулистая, знакомая мне до каждой родинки, до каждого шрама от давнишней поездки на сноуборде. Я бы узнала её из тысячи. Я целовала каждый её сантиметр, проводила по ней пальцами. Спина мужчины была напряжена, мышцы играли под кожей в такт ритмичным, грубым толчкам его бёдер. Его рука, которая когда-то так нежно к

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.